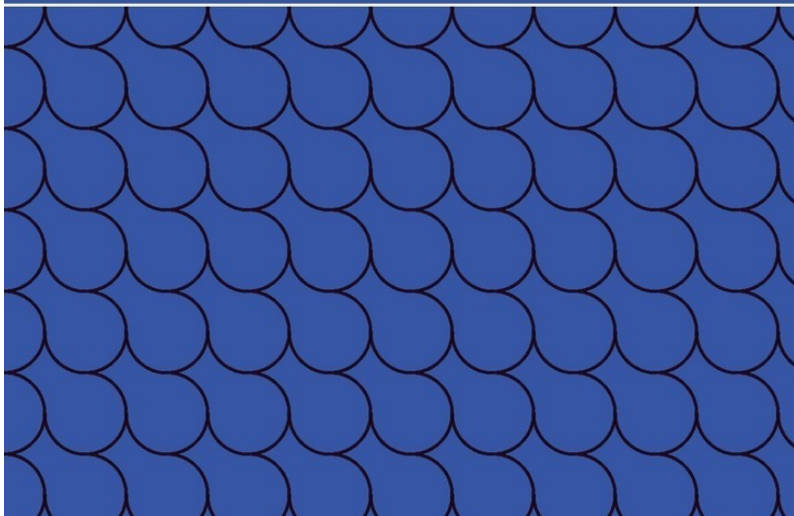

Александр Чигаев

*Жизнь
длинною
в жизнь*

Александр Чигаев
Жизнь длиною в жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41256511

ISBN 9785449377852

Аннотация

Революция. Гражданская война и длинная, длинная жизнь. О людях которые любили жизнь, но больше всего они любили свою родину Россию.

Содержание

«Жизнь длиною в жизнь»	5
IV	30
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Жизнь длиною в жизнь

Александр Чигаев

© Александр Чигаев, 2018

ISBN 978-5-4493-7785-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«ЖИЗНЬ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ»

Предисловие.

Этот роман я писал очень долго, и не, потому что он трудно давался. Вовсе нет. Писалось легко, я писал о близких мне людях. Просто, пришлось переворочить гору исторического материала. Занимательная вещь история. Её пишут люди, в основном, эти люди заинтересованы. Они получают зарплату и пишут они, эту самую историю так, как выгодно их хозяевам. И ни куда от этого деться невозможно, к великому сожалению. Сегодня мы постоянно сталкиваемся с тем, что историю постоянно переосмысливают и переиначивают. Иногда, настолько искажая факты, что диву даешься. Я пошел другим путем. Я стал читать записки людей, совершенно не заинтересованных в искажении фактов. Они, просто, описывали свою жизнь, жизнь того времени, в котором они существовали. И оказалось, что история России выглядит несколько по иному, совершенно не так, как нам хотят сегодня преподнести некоторые политики и историки. Русский язык прекрасен, и не там поставленная запятая, совершенно искажает смысл происходящего. Сегодня всему миру пытаются навязать точку зрения, что Россия постоянно была агрессором, а просвещённая Европа, все время сдерживает агрессивные планы России. А вот это совсем не так. Россия ни когда не имела колоний, и ни когда в сво-

ей истории не навязывала свой порядок, тем малым российским народностям, которые проживали в России. Англичане и французы, при завоевании новых земель, сразу же навязывали свой язык и религию, покоренным народам. Огнем и мечем, выжигали их культуру. Все эти народы, в скором времени теряли свою идентичность и свой язык. В России же, такого ни когда не было. Всегда сохранялась вера и язык. А русский язык становился языком межнационального общения. Ни кому и в голову не могло прийти заменить финский язык русским. Поляки, вообще получили полную свободу, им оставили, даже, их денежную единицу. Это в какой стране могло такое произойти, что бы при агрессоре наступил рассвет культуры. После вступления Польши в Российскую империю, польская культура расцвела. Появились композиторы и художники. Маленький захолустный городишко Варшава, где не было ни водопровода, ни канализации за несколько лет стал третьим городом в России, потеснив с этого места Одессу. Варшава превратилась в одну из красивейших столиц Европы. А сегодня об этом ни кто не вспоминает. Польша ушла из России не потому, что ей было плохо, Польша ушла из-за коммунистического режима. По этой причине ушла и Финляндия. Сегодня ни кто не вспоминает, по какой причине Грузия пришла в Россию. Да что там Грузия. Многие народы пришли в Россию сами. Они находились на грани вымирания, и только в России они восстановили свою этническую принадлежность, сохранив

при этом религию и язык. Не было бы сегодня Болгарии, как государства и болгар, как народ. Только благодаря России, сегодня есть такое государство на Балканах. Украина на коленях пришла в Россию, и этого сегодня не помнят. Запорожским казакам Екатерина Великая совершенно бесплатно раздала земли, а Галицкое панство, хочет вымарать имя Екатерины из истории Украины. Потомки запорожских казаков, пришедшие на кубанские земли стали многовековым оплотом России. Кубанские казаки сохранили свою культуру и веру. Они великолепно поют украинские народные песни, и ни кто им не мешает этого делать. Сегодня хотят переиначить и историю двадцатого столетия, хотя, остались, еще живы люди, которые делали эту самую историю. Не хочу касаться Великой Отечественной войны, есть, кому заниматься этим и без меня, но Японию вспомнить хочется. Когда американцы подарили японцам две «Малютки», в виде двух атомных бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, Россия спасла Японию. Сегодня ни кто не задает интересный вопрос. Почему простые японцы не поодиночке, а целыми селениями принимали православную веру и почему в Японии стоят православные храмы? Россия подарила японцам жизнь, в виде вакцины против полиомиелита. Полиомиелит занесли в Японию американцы, а у японцев ни оказалось иммунитета, против этой болезни. Голодная и разрушенная Россия, пережившая войну, напрягла все свои силы и безвозмездно передала вакцину японцам. Япония была спасе-

на. Это историю вымарали американские идеологи из памяти японцев. Обо всем, об этом, можно написать тысячи книг, но это не моя тема.

Зарубежные идеологи постоянно твердят о рабстве в России. Коснемся и этой темы. Назовите мне страну или стой, где не существует социального различия, между людьми? Есть только утопические идеи, но социальное неравенство, это суть всего живого на земле. Человечество, это лишнее подтверждение всего этого. Начиная от муравейника и пчелиных семей, и заканчивая львиным прайдом или волчьей стаей, везде социальное неравенство, такова жизнь земная. А было ли рабство в России вообще, даже при крепостном праве? Немецкие или английские помещики могли убить своего вассала, лишит его крова, я уже не говорю о праве первой брачной ночи. Когда такое было в России? Ни кому и в голову не могла прийти такая идея. Вы сейчас вспомните боярыню Морозову. И тут ответить просто. Конечно, изверг везде есть и Россия не исключение в этом. Но где и в какой стране могли помещика отправить в тюрьму или на каторгу, как отправили боярыню в России. Такого история Европы не знает. В какой стране рабы могли пойти воевать за свою Родину? Армия Наполеона ужаснулась, когда крестьяне стали грудью за свою Россию. Все время муслируется тема, что русский лодырь и русский пьяница. Так лодыря и пьяницу завоевать легко. Так почему же ни кому не удавалось одолеть Россию. Раньше в России и вовсе не пили. Все это пропаган-

да. В начале двадцатого века Россия занимала второе место в мире по потреблению алкоголя, но не от начала, а от конца этого списка. Меньше всего пили, только в Норвегии. Работали русские люди замечательно. Они кормили весь мир хлебом. Да, да, и Америку в том числе. Продажа российского масла за границу была сопоставима с продажей русского золота. Вот столько продавалось масла Россией. Спорила Россию коммунистическая власть, вот это чистая правда. Американцы пили гораздо больше. Страна чуть не разрушилась из-за повального пьянства. Был введен сухой закон на всей территории Соединенных штатов, да и сегодня там пьют не меньше.

Все время Запад пытался понять русскую душу, но ни чего у них не получалось. Похоже, сегодня, до них дошло. Русская душа, это, прежде всего духовность. Вот теперь они серьезно взялись за это. Американская настоящая мечта. Что может быть лучше этого? Человек, благодаря своему уму и своим знаниям возносится на вершину жизни. Прекрасно. Но в России пытаются внедрить не настоящую американскую мечту, а ту, которая полностью извращена и развращена. Культ денег превыше всего. Нет матери, нет отца, нет друзей. Все эти понятия заменяет доллар. Богатый человек, это не обязательно счастливый человек. С собой в могилу деньги не унесешь. В России было много богатых людей, но все они были меценатами, чего не скажешь о богачах Ротшильдах и им подобным. Насаждение культа денег привел к появ-

лению пятой колонны в России, и чем больше этот культ, тем больше эта колонна. Мы это все прекрасно видим в больших городах. Этим людей не интересуется Россия, их интересуют только деньги. За деньги можно купить все и всех. Это возвращает страну и людей. Когда в мире, таких людей станет большинство, то мы все пройдем точку невозврата, и человечество погибнет, как вид. Слава Богу, Россия не допустит этой точки, духовность победит зло. Вот, именно, по этой причине вся западная пропаганда и бьет по России. Господа, ни чего у вас не выйдет, на том стояла, стоит и будет стоять русская земля. Россия – это не Азия, Россия – это не Европа, Россия – это Россия. Свой мир, свой континент и своя жизнь.

Собирая капля, по капле материал для романа, я пришел к полному убеждению, человечество будет жить вечно, ибо духовность России убить ни кому не под силу. Слава России. Я люблю тебя Россия.

Питерским Гардемаринам

Морского кадетского корпуса

И Отдельных Гардемаринских классов

1920 года выпуска, ПОСВЯЩАЕТСЯ!!!

Они очень любили жизнь, но еще больше, они любили свою Родину.

I

Федор, гардемарин морского корпуса с детства мечтал о море. Мальчик, рожденный в Санкт-Петербурге, после

крещения в церкви Николаевского военного госпиталя был отправлен на родину к отцу в Воронежскую губернию. Впервые море он увидел в пять лет, когда летом приехал к отцу. Море его поманило, и он влюбился в него на всю свою жизнь. Дети о многом мечтают в жизни, но Федор только о море и думал. Он наотрез отказался ехать домой, и отец оставил его возле себя, в Петербурге. Теперь он влюбился и в Петербург. Детство прошло быстро, после гимназии вопросов не было, куда идти учиться. Морской корпус, какой же еще выбор. Конкурс был огромен, но кроме этого нужно было иметь и безупречную поколенную роспись. Морским офицером не мог стать кто угодно в те времена, кроме безупречных школьных знаний, фамилия имела огромный вес при поступлении, слава Богу, с этим все было в порядке. Гимназию Федор окончил с золотой медалью, так что, экзамены в корпус не сдавал. Его отец подал прошение, на Высочайшее имя, Николай II начертал на прошении, принять, и вот Федор в морском корпусе. Первая часть детских мечтаний сбылась. В сентябре 1916 года его приняли в старший класс. Он гардемарин элитного морского корпуса России. Россия воевала, вся страна напряглась. В ноябре состоялась присяга на верность Императору Всея Руси. Во время присяги элитных подразделений, всегда присутствует и Царь. Хоть Николай II, и был очень занят, но традицию он не нарушил. На руках у Николая II был его сын, одетый в морскую форму. Все проходило торжественно и четко. Федор впервые видел Им-

ператора так близко и давал он свою присягу искренне, думая, что это на всю жизнь и один раз. Он еще не знал, что через три месяца ему придется присягать временному правительству. Николай II отречется от престола в столь трудное время для России. Романовым это он ни когда не простит. Ему было бы понятно, что в спокойное время для Державы, когда ей ни чего не угрожает, царь может отречься от престола. Влюбился, к примеру, в простую девушку. Любовь для него главное и выше Престола, тут вопросов нет, оставайся Великим князем и женись на любимом человеке, есть закон престолонаследования, свято место пусто не бывает, есть, кому на себя Державу принять, но в лихие времена этого делать нельзя Помазаннику Божьему. Он отвечает не за себя, он отвечает за всю Россию матушку. В народе Николая II называли «Кровавым», нет, не правильно это, какой он кровавый, не подписал ни одного смертного приговора тем людям, по которым веревка плакала, а сколько те злодеи лиха принесли в Державу, подумать страшно. Николай II должен называться «Слабым». Конечно же, Царь любил свою Россию, но этого мало в трудные минуты. Действительно, надо было стать «Кровавым», что бы утопить в крови всю ту поганую нечисть, которую прислали из-за границы, что бы навсегда, или, хотя бы, надолго отбросить Россию назад, сделать ее слабой и послушной. Но все эти испытания были в будущем. Федор стал на одно колено и прочитал, выученную, им наизусть, слова присяги, после чего,

искренне поцеловал знамя. В эти минуты он был горд, горд за себя и свое Отечество. Такие минуты жизни забыть сложно, да, пожалуй, и не возможно. Это остается на всю жизнь, на долгую или короткую, тут как Бог даст. Теперь Вера, Царь и Отечество для него не пустые слова. Это честь, честь офицера, а честь всего одна. Теперь он вспомнил слова своего отца, хотя, тот и был сугубо штатским человеком.

– Запомни Федор на всю свою жизнь, если ты решил связать ее с военной службой. Любовь к матери и женщине, жизнь Родине, честь ни кому! Если ты отступишься, хоть на йоту от этого, у тебя не будит ни отца, ни братьев, ни фамилии. С Богом Федя. Я верю в тебя.

В кубрике казармы были накрыты столы, и Федор впервые в своей жизни выпил стакан водки. Все гардемарины были возбуждены, каждый из них хотел быть полезен Родине, все рвались на корабли и все хотели воевать. В кубрике появился дежурный офицер.

– Гардемарины, я понимаю ваше рвение. Не торопитесь, и Вам хватит с кем воевать. Вы еще успеете себя проявить. Сегодня ваше главное дело, это учеба. Флоту нужны достойные и знающие офицеры, главная ваша задача прилежно учиться. Теперь разойдитесь. Отбой, как всегда в двадцать два ноль, ноль.

Федор пошел к себе домой. В доме праздник. Присяга, это праздник не только его. Собрались все офицеры его большой семьи. Федор больше не пил, а вот родственники часто вы-

пивали. Тостов было много, и за Царя Батюшку, и за Россию матушку. Молча, выпили и за убиенных на фронте. Не только за офицеров, но и за весь российский люд. Тут не было разницы, какого ты сословия. Все полегшие за Родину святы.

Занятия в училище проходили буднично. Каждый будущий морской офицер учился отменно, ни кого не надо было заставлять это делать. Плохой судоводитель, это гибель корабля. Ребята были дружны, только некоторые из большой знати вели себя надменно, но с осторожностью. Все были горячими парнями, и любая ссора могла привести к дуэли, а это означало конец морской карьеры.

II

Этот Рождественский день 1917 года Федор запомнил на всю свою жизнь. Утром всей семьей были в церкви. К обеду вся семья и гости собрались у его отца. В это не спокойное время людей не было много. Все трое братьев, мать с отцом. Дядя, штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка с женой и дочерью, несколько сослуживцев отца. Хоть был и торжественный день, в то время Новый год не был большим праздником, а вот Рождество всегда встречали с размахом. Изысканных закусок было не много, так, все русское. Икра зернистая, семга, заливная осетрина, разносолы, от квашеной капусты, до маринованных грибов, Смирновская водка, немного шампанского, Крымского производства и огромное количество пирогов. Даша, красивая и молодая деревенская девушка прислуживала за столом. После

нескольких рюмок водки мужская компания стала, несколько веселее, но все равно чувствовалось напряжение. Война жуткая и гадкая портила всем настроение. Глава семьи был врачом, доктор медицинских наук, профессор, главный врач одной из крупнейших больниц Петербурга, сколько перед его глазами прошло искалеченных и изувеченных войной людей. Сколько он видел смертей, и не счесть. Из трех его сыновей, двое выбрали военную службу. Средний, Глеб, окончил морской корпус и служил мичманом на линейном корабле, отвечал за установку мин и торпедное оборудование. Младший, Федор, был гардемаринном морского корпуса и хотел стать штурманом. Старший, Лев, окончил Петербургский университет и был хорошим бизнесменом. Работал в одном из крупнейших банков России и успешно играл на бирже.

В общем, обед прошел не очень весело. Мужчины встали из-за стола и перешли в кабинет хозяина дома Николая Федоровича, что бы обсудить обстановку в стране и поговорить, о своем, о мужском. Женщины остались в зале, и им было о чем поговорить.

Пока Николай Федорович доставал сигары и разливал мадеру, слово взял штабс-капитан. Он обращался ко Льву.

– Послушай меня мой дорогой племянник. В стране зреет буря, и я так думаю, начнутся беспорядки, слишком я высоко сижу и много вижу. Я заместитель командира не просто полка, а лейб-гвардии. Собирай-ка ты свои капиталы Ле-

вушка и дуй в Париж. Тут тебе делать нечего.

– Я уважаю, Ваше мнение дядя, но как на это посмотрят люди и мои коллеги. В трудный час для страны, я соберу все мои деньги и уеду, это не по совести.

– Да, какая там совесть, просто, когда начнутся беспорядки и все побегут из страны, ты будешь нашим плацдармом.

Тут в разговор вступил и Николай Федорович.

– Неужели так все плохо в стране Александр? Вроде, фронт стабилизировался. Мы переходим в наступление. Немного прижмем немчуру и победа, как всегда, будет за нами.

– Ох, Коленька, братец мой любимый, да, разве в германце дело? Ты ничего не видишь в своей больнице. Тебе все одно, что особ царской фамилии лечить, что простого мужика или солдата пользоваться. Тут дело в другом. Немец эту войну выиграть не может, проиграет он, а вот смуту у нас в стране затеять может. Если будет бунт в нашей стране, то ты прекрасно знаешь, что такое российский бунт, страшнее не придумать. Месяц назад я по делам службы был в Воронеже, наш брат там начальник полиции, так вот он мне такое поведал, что я и вообразить себе не мог. Вешать надо было всех этих большевиков, меньшевиков и эсеров, а наш царь-батюшка игрался с ними. Увеселительные прогулки по Сибири им делал, они, видите ли, на каторгу с фортепиано стали ездить, а если чихать начинали, то для них и швейцарские курорты подавали. Послушай меня Лев, собирай добро

и в Париж уматывай. Это мы военные останемся в России и умрем за неё, а тебе-то, зачем это делать. Смута уляжется, вот и вернешься.

– Я благодарен Вам за совет дядя, подумаю.

– Думай быстрее, что бы потом с голым задом не остаться.

Мужчины курили сигары, пили мадеру, потом перешли и на португальский портвейн. Беседа приняла более мирный характер. Штабс-капитан продолжал.

– Слушай Николай, тут люди взрослые сидят, хоть и твои дети, ответь мне на вопрос, как тебя угораздило ребенка сделать на стороне? Пусть твои сыновья слушают, вон Глеб, Георгиевский кавалер. Ну, влюбился ты в актрису, я это понимаю. Но зачем, же ей ребенка делать? Вот скажи, как нам теперь его принять в наш круг? Мы столбовые дворяне, что с простолюдином делать. Ни сегодня, так завтра нам его признать нужно.

– Братец мой, давай не будем касаться этой темы, хотя бы сегодня. Придет время, и эту проблему решим. Ни я первый, ни я последний. Влюбился, что тут сказать.

Мужчины продолжали мирно беседовать, все-таки праздник большой, а с ребенком, вот как обстояло дело.

Это было еще в начале двадцатого века. В Мариинском театре давали балет «Ацис и Галатеея». В это время Николай Федорович был личным врачом наследника престола цесаревича Георгия Александровича, и они с супругой, находились в царской ложе театра. Доктор был скромным челове-

ком по жизни, и ему не часто приходилось проводить время с царскими особами, но его с женой пригласили, и он не мог отказать. Видимо, так было угодно Богу. В этот день прима балерина госпожа Рыхлякова блистала, и Николаю показалось, что она так танцует, только для него. Ему казалось, что весь спектакль она смотрит, только на него. Доктор влюбился, да так влюбился, как можно влюбиться, только в шестнадцать лет. Он, умудренный опытом человек, доктор наук, влюбился, как гимназист, и с этим ничего поделать было нельзя. На следующий день он явился к актрисе домой с огромным букетом красных роз. Это сегодня легко это сделать в феврале, а в то время в Голландию самолеты не летали, и цветы достать было, ох, как не просто. Актриса не была обделена вниманием богатой публики. А кто был для нее Николай? Да, известный врач, но не миллионер с заводами и пароходами, ни герцог с огромными поместьями и домами. На много старше ее, она молодая, карьера в расцвете, еще появится богатый воздыхатель. В общем, актриса приняла его прохладно. Николай посещал все её спектакли, присылал цветы, но взаимности не получал. Потом Николай стал врачом при дворе принца Ольденбургского и уехал за границу. О своей любви он немного забыл. Да, он периодически посылал ей цветы и писал письма, но ответа ни когда не получал. Так прошло несколько лет. После приезда из-за границы, Николай Федорович возглавил крупнейшую больницу Петербурга.

В последнее время актриса себя плохо чувствовала. У нее начали болеть суставы, и она не могла танцевать. По совету врачей она взяла месячный отпуск. Отдых не дал желаемого результата. Её осматривало множество врачей, давали рекомендации, лечили, но эффекта не было. Один из медиков заподозрил у нее костный туберкулез и ей посоветовал обратиться к доктору (?). Актриса долго размышляла, как ей поступить. Ей было неудобно обращаться, именно, к этому доктору. Она отвергла его ухаживания. Но ей очень хотелось танцевать, и она написала ему записку.

– Дорогой и уважаемый Николай Федорович! У меня большое горе, я не могу танцевать совсем. Если я Вам хоть немного дорога еще, то прошу Вас, зайдите ко мне. Я нуждаюсь в помощи. И подпись. Варвара.

Когда Николай получил эту записку, он тут же отправился к актрисе домой. Какой же она стала прекрасной. Слегка поправилась, на лице румянец. Карие глаза, чуть, чуть раскосые с искрой. Великолепные вьющиеся каштановые волосы. Высокая, красивая и великолепная фигура, что называется, смерть мужчинам. Добавить ничего нельзя. Николай ели, ели сдерживал себя, чтобы не признаться ей в любви. Но одно дело, когда это просто женщина и другое дело, когда она становится твоей пациенткой. Тут не до Амуров, надо и честь свою блюсти. Его приняли приветливо, но доктор занялся своим основным делом. Был проведен тщательный осмотр. Слава Богу, это не костная форма туберкулеза, подумал Ни-

колай, тут бы я не справился. Пришлось бы актрисе на долгие годы уехать в Швейцарию. В гипсе она бы правела не один год. Тут немного отлегло.

– Ну, что ж дорогая моя Варвара, самое худшее уже позади. Слава Богу, это не туберкулез. Завтра вы заедете в клинику, надо будет сдать некоторые анализы. Наверняка, я найду незначительное малокровие, вы хоть немного и поправились, но вы держите диету. Вам придется, на время отказаться от этого. Питерская погода вам не подходит. Надо солнце, много солнца и фрукты.

– Николай, дорогой, это все, что нужно?

– Понимаешь Варвара, машины и те ломаются от долгой работы, а ты не машина, ты создана из плоти. Стерлись хрящи суставов, как бы тебе проще высказать, на понятном языке и без медицинских терминов, нет смазки между костями, вот, суставы и болят. Нужно время, нужен активный отдых. Завтра, когда увижу твои анализы, расскажу тебе подробнее, что нужно делать.

– Николай, я готова для тебя сделать все, что ты захочешь, только сделай так, что бы я смогла танцевать.

И Варвара обняла Николая. Николай был холоден. Если бы его обняла здоровая Варвара, он бы тут же признался ей в любви и начал бы целовать и ласкать ее, но он врач, а долг врача не велит ему такого.

– Извините Варвара Трофимовна.

Он убрал ее руки со своих плеч.

– Я не могу и не хочу пользоваться вашим положением. Я врач. И главное, постелью не благодарят, постелью одаривают любимого. Начнете танцевать, и я признаюсь вам в своей любви. Жду вас утром у себя в клинике. До свидания.

Утром Варвара сдала все анализы и ждала в приемной доктора, когда примут ее.

Николай Федорович сделал обход. Сегодня он осматривал самых тяжелых больных. Специализированных клиник не было, а по Питеру свирепствовал туберкулез. У кого были деньги, те могли себе позволить заграничный курорт, а вот малоимущие граждане нуждались в его уходе. Он никогда не делал исключений, ему было все равно кто ты по происхождению или вероисповеданию, ты человек и тебе должна быть оказана помощь. За что его и уважали все, от графов и Великих князей, до простых людей нашего Отечества.

Николай помнил, что Варвара ждет его в приемном покое, но анализы еще не были готовы все, хотя и без них он знал, что нужно делать. Он сидел за своим письменным столом, когда посыльный принес ему письмо. Письмо было с сургучной печатью и княжеским вензелем.

– Уважаемый доктор (?).

Писал Великий князь, внук Николая I, моя жена, дочь Черногорского князя Милица Николаевна, тяжелобольная, по совету здешних врачей, а они наслышаны о Ваших работах в этой области медицины, они и предложили мне обратиться к Вам. Очень прошу Вас приехать ко мне. Все расхо-

ды по вашему переезду и пребыванию у меня я беру на себя. С Высочайшего позволения Вас командируют ко мне, но я Вас прошу лично удовлетворить мою просьбу. Подпись.

Да, это знак свыше, рассуждал Николай. Беру с собой Варвару и еду в Черногорию. Черногорские курорты как раз и нужны Варваре. Когда Варвара услышала, что она едет с Николаем на курорт, она опять кинулась в объятья Николая, но и как в первый раз Николай остановил ее.

– Варвара Трофимовна, чего мне скрывать? Я старше вас, но я влюблен в вас. Я готов для вас пожертвовать всем, и карьерой. Если бы я был офицером, мне бы пришлось уйти со службы. Я женатый человек, у меня дети. Церковь не даст мне развод, да и перед Богом я виновен. Но, что я могу поделать, люблю я вас всем сердцем. Мне не нужна благодарность от вас, мне нужна ваша любовь. Я вам уже говорил об этом, постелью не благодарят, постелью награждают любимого. Я хочу вас вылечить, и я сделаю это. Потом, как Бог даст. Собирайтесь, как сдам дела в больнице, так и уедем, думаю, через несколько дней.

Они сели в поезд и поехали. У каждого из них было свое купе. Николай долгих четыре месяца лечил княжну, не забывая и о Варваре. Та исправно выполняла рекомендации доктора. Княжна пошла на поправку, недуг отступил. Через несколько дней она совсем не будет нуждаться в помощи Николая. Он написал рекомендации по дальнейшему лечению княжны своим коллегам, а сам стал собираться домой. Вар-

вару он не видел около недели, Николай отправил ее в горы. Ему сняли небольшой дом, рядом с владениями князя. Жить с князем в одном доме ему было неудобно. Своим происхождением Николай не уступал и Великому князю, его фамилия внесена в Бархатную книгу Российской Империи, но все же, субординация должна быть, да, и кроме лечения княжны, он продолжал свою научную деятельность. Была написана прекрасная работа по курортологии. Он сильно удивился, когда увидел Варвару, в своем доме. Та стояла в большом зале на пуантах и танцевала. Танцевала прекрасно. Николай перестал дышать, он прилип к стене, пытаясь не выдать своего присутствия. Он любовался Варварой. Какое счастье, Варвара, опять танцует и как танцует великолепно. Варвара очень высоко выпрыгнула и сделала несколько па и вдруг увидела Николая. Она бросилась ему на шею.

– Не прогоняй меня любимый, я так счастлива. Я люблю тебя, я готова за тебя жизнь отдать. Ты мой, я тебя ни кому не отдам. Я, там, в горах это поняла. Я еще не знала, что смогу танцевать, но я уже знала, что люблю тебя.

Вот с этого дня и начался их бурный роман. Как Варвара танцевала. Такого триумфа она не знала раньше. Аншлаги на все ее спектакли. Огромное количество поклонников и море цветов, но она, ни кого не видела перед собой, только Николай. Все свое свободное время она посвящает любимому ею человеку. Все свое свободное время они проводят вместе. Сначала шептались по углам, потом, начали и вслух

говорить об этом петербургском романе. У Николая состоялся разговор с женой. Он был человеком чести, и затягивать эту беседу не имело смысла.

– Елизавета. Я не могу обманывать тебя, да, и не хочу. Скорее всего, ты и сама обо всем знаешь. Я люблю эту женщину, и я с ней счастлив. Я и тебя люблю, ты подарила мне прекрасных трех сыновей, и я благодарен тебе. Но, что я могу с собой поделать? Я ложусь спать и думаю о ней. Я просыпаюсь утром и думаю о ней. С тобой я не разведусь никогда, ты мне Богом дана. Я христианин, я православный человек. Если ты мне скажешь, что бы я прекратил встречи с Варварой, я наступлю на горло своему самолюбию и уйду от нее, правда, одним счастливым человеком станет меньше на земле. Ты от этого счастливее не станешь. А мою любовь погубишь. Как скажешь, так я и поступлю.

– Бог с тобой Николаша. Не хочу я мешать твоему счастью. Так случилось, ты полюбил другую женщину. Мы живем в начале двадцатого века, все меняется в этой жизни. Не буду я тебе мешать. Поеду в свое имение в Воронежской губернии, там открою школу для детей, вот и мне будет занятие. Дети выросли, станут взрослее, поймут, не осудят.

Николай поцеловал руку своей жене. Он был благодарен ей.

Не долговек актрисы балета. Сначала молодежь наступают на ноги, потом становится вровень, главное не пропустить тот момент, когда молодые актрисы начнут выходить вперед.

Если ты уловил это, то уйдешь на вершине и не превзойденной, о тебе будут слагать легенды, но уж если пропустил вперед себя, то все, полное забвение и крах. Варвара была умной женщиной, она стала понимать, пора уходить со сцены. Да, еще море цветов, да, огромное количество поклонников, но пора и честь знать. В этом она призналась Николаю. Замуж выйти она не могла, жила с любимым ее человеком, но женат был он, а ей очень хотелось иметь ребенка. У них состоялась беседа и, пожалуй, первая размолвка в их долгой любви.

– Николай, я очень благодарна тебе, я люблю тебя. Я никого не любила в своей жизни. Ты мой первый мужчина и я хочу ребенка от тебя. Я понимаю, ты дворянин и в твоих кругах плохо примут, если я рожу от тебя, но, что мне делать? Я хочу реализовать нашу любовь и подарить тебе сына.

– Ох, Варвара, трудную ты поставила задачу передо мной. Если бы я был один, то с радостью принял бы от тебя этот Божий дар, но, к моему сожалению, я не один. Мой брат офицер элитного полка России, один сын морской офицер, другой готовится стать таковым, им служить надо, а их попросят оставить службу. Таков кодекс чести офицерской, не его придумал. Ты еще молода, а я еще не дряхлый старик, успеешь родить. Давай подождем не много.

Варвара глянула на Николая не добрым взглядом, но промолчала. Любовь дала первую трещину. Прошло время. Они продолжали любить друг друга, жили одним домом, дети

редко навещали отца, но его это не тяготило. Работа отнимала много сил. Было много заграничных командировок, награды на него посыпались как из рога изобилия. Николай уже думал, что Варвара успокоилась и перестала думать о ребенке. Она больше не возвращалась к этому вопросу. Но Николай сильно ошибался в этом. Тогда еще об этом медицина не знала. Долгие годы тренировок, огромные физические и нервные нагрузки вызывают у женщины гормональные нарушения, вот поэтому Варвара и не могла забеременеть. Варвара оставила театр. Через некоторое время ушла угловатость тела, она слегка поправилась и превратилась в русскую красавицу. Она и раньше была красива, но теперь, любой, кто ее видел, сразу, же говорил, она прекрасна. Манифик. Как и положено молодой и здоровой женщине, живущей с мужчиной, Варвара забеременела. И, как и положено, от дня зачатия, после девяти месяцев родила ребенка, как и хотела, мужского пола. Трудно все объяснить, каждое время имеет свои законы, такова жизнь. Николай, стал по не многу, отделяться от Варвары, было несколько размолвок и они стали жить порознь. Мальчика Варвара нарекла в честь своего любимого Николаем, Николай Федорович продолжал содержать Варвару и своего сына всю свою жизнь. Варвара замуж так и не вышла. Можно ли кого-то осуждать в этой истории? Не знаю.

Брат Николая Александр не зря поднял этот вопрос. Мальчик учился в гимназии и хотел стать офицером. А тут

возникало много сложностей.

III

Между тем, мужчины продолжали говорить о политике, сегодня эта была главная тема в стране. Темнело, зашла жена Елизавета в кабинет мужа и всех пригласила за рождественский стол. Предстоял ужин. Спустя много лет, про это Рождество Федор расскажет своему внуку Александру, но это будет все гораздо позже. И как поется в песне, Задули вихри враждебные. Ужин подходил к концу. Александр кинул салфетку.

– Все было очень вкусно, а главное по-русски, без излишеств. Завтра утром я уезжаю в полк. У меня в доме остановился подполковник Каппель, настоящий русский офицер, Георгиевский кавалер. Его вызвали в ставку. Мы, утром с ним уезжаем на фронт. Я бы хотел, что бы меня провели мои племянники.

Первым ответил Борис.

– Дорогой мой дядя, я бы с огромным удовольствием встретился со столь почтенным офицером, но на рассвете за мной придет катер и я должен быть на своем корабле.

Федор сказал, что думает.

– У меня увольнительная и я проведу Вас дядя. Мне хочется увидеть героя. Я утром буду на вокзале.

Александр с женой и детьми уехал, затем ушли и сослуживцы Николая, семья осталась в полном сборе. Давно они вместе не были. Да, пожалуй, и не придется им больше быть

всем вместе.

Федору очень хотелось познакомиться с Георгиевским кавалером. Хотя брат его и был таковым, но это брат, а вот что бы познакомиться с Георгиевским кавалером, для этого надо было и самому быть рядом. Утром поехал не на вокзал, а прямо домой к дяде. Там шли сборы в дорогу.

– А, Федор, это ты, проходи. Ты же хотел на вокзал приехать.

– Не терпелось познакомиться с подполковником и какое знакомство на вокзале, там провожать надо.

– Тогда, знакомятся, вот так выглядят Георгиевские кавалеры. Они на войне заметные люди, а в жизни, очень скромны. Владимир Оскарович, разреши представить тебе моего племянника, Федора. В скором времени будет морским офицером. Человек надежный во всех отношениях. Каппель и Федор пожали друг другу руки.

– Раз ваш дядя так вас представил, значит, так оно и есть. Не знаю, какой я герой, а вот Александр совершенно бесстрашен. Если бы вы видели, как он недавно поднял свой полк, в штыковую атаку. Немцы разбежались, кто куда. Мне уже и не пришлось напрягаться, что бы занять их окопы. Я получил Георгия, а вся заслуга вашего дяди.

– Владимир, не надо. Все по заслугам.

Они еще немного побеседовали и отправились на вокзал. Больше Федор своего дядю в живых не видел. Как рассказали потом Федору, полк Каппеля нес большие потери и для

того, что бы спасти людей, штабс-капитан Александр (?) ударил во фланг немцам, подняв свой полк, в штыковую атаку. Пуля попала ему в грудь и пробила сердце. За мужество и героизм ему было присвоено звание полковника лейб-гвардии Измайловского полка, посмертно.

Так ушел из жизни еще один человек долга. Русский столбовой дворянин, офицер и Георгиевский кавалер. Он выполнил главную привилегию русского дворянина, он первым пошел и умер за свою Родину. Слава русскому дворянству.

IV

Наступила весна. Весна это не только обновление жизни, весна в Петербурге, это еще и выпускные балы. Выпускные балы пансионов благородных девиц. В этот день в свет выпускают сотни красивейших девушек России и кто опоздает к этому празднику, тому не найти свою прекрасную половину. Жаль, что это весна тысяча девятьсот семнадцатого года. И тут дело не только в войне с Германией и февральской революции, весь ужас заключался в том, что царь Всея Руси Николай II отрекся от Престола. Если бы на трон взошел его приемник, не было бы такого хаоса в стране, а это уже было предательством со стороны Дома Романовых. Царь батюшка для России, это отец, мать и вся родня. Россия без царя жить не умела. Гардемарины Петербургского морского корпуса самые последние присягнули временному правительству. У них еще в памяти не остыла недавняя присяга на верность России, которую они принесли Николаю II. Они были молоды, и горячи, они самозабвенно любили своё Отечество и желали всем своим юношеским сердцем заслужить ответную любовь Родины. Гардемарины долго сомневались, надо ли это делать, но их командиры убедили сделать им такой шаг. Шла война, и надо было присягать правительству, хоть оно и было временным. Дисциплина в училище несколько упала, хотя все гарды и учились превосходно. Был

выходной день, в увольнение ни кого не отпустили, но старший класс гардемарин на сегодня был приглашен на выпускной бал в пансион благородных девиц. Прошу не путать с институтом благородных девиц, который находился в Смольном. Большевики еще его не заняли под свою штаб квартиру, большевики еще сидели в засаде, что бы потом учинить государственный переворот в России, который приведет к гражданской войне, голоду и разрухи, и который унесет многие и многие миллионы жизней. Сколько людей не долюбили и не дожили, трудно сосчитать, а сколько людей не родилось на этом прекрасном свете, и представить себе не возможно.

Федор лежал на своей койке. В другое время ему бы ни кто не разрешил сделать это в полуденный час, но сегодня было можно все, или почти все. На бал он идти не собирался, и невеста была ему не нужна. У него были свои понятия о жизни. Он читал рассказы своего любимого писателя Константина Станюковича о море и службе и на сегодня его больше ни чего не интересовало. В кубрике появился его закадычный друг Георгий и начал готовится к балу. Надо было до блеска начистить пуговицы мундира и бляху ремня. Отгладить рубаху и мундир. Денщик гардемаринам не полагался по штату, и все приходилось делать самим. Ничего не сказав Федору, заодно и его вещи он привел в порядок. Они подружились с Федором с самого первого дня, когда Федор появился в корпусе. Георгий прозанимался два года в младших гардемаринских классах, а вот Федора приняли сразу

в старший класс. Их образования здорово различались, и на то была причина.

Георгий грузинский князь, но это только название, что князь. Его княжество состояло из маленькой горной деревеньки с виноградниками, пожилой его бабушки и сотней овец, которые паслись на ничейных лугах Кавказских гор. Таких княжеств как Георгия в имении матери Федора уместилось бы с сотню, если не больше. Из его окна дома, в этой деревушке, открывался великолепный пейзаж на просторы Черного моря. Родители отца Георгия долгое время собирали деньги на учебу сына. Они и сами работали трудно наравне с крестьянами. Торговали овцами, лошадьми и вином. Трудно понять, чем эти князья отличались от простых крестьян, но они были потомками древнего грузинского рода и все свои силы отдавали, что бы вывести в люди своего сына. Потому он и был один в семье. Вся ставка жизни была сделана его отцом на Ваню, что по-русски означало Иван. Ему дали сносное образование, но, ни о каком Петербурге речи быть не могло. Попросту, у них не было таких денег, и отец Ваню подобрал ему прекрасное кавалерийское училище в Ростове. Единственное, что мог делать превосходно и великолепно Ваню, так это управлять лошадей. Вот тут ему равных сыскать было трудно. С детства он полюбил лошадей и с этой любовью он ни расставался, ни на день, только, после своей успешной женитьбы. Но об этом чуть позже. В училище Ваню приняли с огромным трудом, но князю не отка-

зали. Он прилежно грыз гранит науки, прекрасно понимая, что его родители из кожи вон лезут, что бы он мог выбиться в люди. Он не играл в азартные игры, боясь проиграться, а для того, чтобы не соблазниться этим злом, еще и перестал пить вино. Родители часто ему присылали с оказией прекрасные грузинские вина, но он все раздавал своим одноклассникам. Если сначала над ним подтрунивали кадеты, то потом они его полюбили. Теперь они один или два раза в месяц могли напиться прекрасного грузинского вина. Ему стали помогать в учебе. Но если сильно разобраться, в общем, он был чужой для большей части кадетов и крепкой дружбы у него, ни с кем не было. А в жизни любой мужчина, тем более, такой горный и горячий, всегда хочет иметь настоящего друга. Так прошло несколько лет в училище. В начале третьего курса к ним в училище, переводом из Петербурга, поступил кадет, граф Михаил Ермолов. За какой неблаговидный поступок его перевели в Ростов, ни кто толком не знал. Он был родовитее всех ростовских кадетов, вел себя, несколько заносчиво, и его не приняли в свою среду кадеты. Как-то само собой получилось, но Ваню и Михаил подружились. По началу, и у них были натянутые отношения, но два одиноких молодых человека, постепенно сблизились и через год они уже были не разлучными друзьями. Летний отпуск Михаил решил провести не в Петербурге, там бы его не очень хорошо приняли, а в имении Ваню. Там их дружба переросла во взаимную мужскую уважительную любовь.

Михаил не был испорченным мальчишкой. Так его воспитали, и когда он остался один на один с собой он здорово переменялся. Рядом с ним больше не было графских и баронских сыночков, и он стал нормальным человеком. У Ваню в гостях он и рассказал, что произошло с ним в Петербурге. Он познакомился с малолетней особой, очень красивой девушкой. Как и положено, воспылал к ней любовью, скорее страстью, если правильно сказать. Отец девушки из обедневших дворян и работал инженером на одном из заводов Петербурга. Человек он был не глупый, сделал изобретение и запатентовал его. Появились лишние деньги. По делам завода, он достаточно часто ездил в Екатеринбург на Урал. Там он познакомился с очень интересным человеком и тот ему посоветовал вложить все деньги в одну из веток уральской железной дороги. Должен был разрабатываться один перспективный рудник на Урале. Ни кто в эту затею не верил, думали, что это очередная афера, потому и акции стоили копейки. А вот инженер поверил и еще долгие два года скупал акции. Над ним, даже, начали посмеиваться. Но в один прекрасный день рудник заработал, началось бурное строительство железной дороги. Акции взлетели в цене до небес. За несколько дней инженер стал богатым человеком. Нет, он не стал миллионером, но, все, же был достаточно богат. Мать девушки умерла от чахотки. Из всех умирающих людей Петербурга от этой болезни умирал каждый седьмой человек, ни смотря, ни на положение, ни на звание. Инженер был не от ми-

ра сего и продолжал заниматься наукой, работать на заводе, теперь ему было ни к чему. Дочкой занималась нанятая им француженка – гувернантка. Но ей, по большому счету, было глубоко наплевать на нравственность молодой особы. К пятнадцати годам девчонка прекрасно созрела, у неё был лукавый взгляд, а выглядела она, просто, великолепно. В деньгах она не нуждалась, и с деньгами у нее появилось множество взрослых подруг. Вот на одном приеме Михаил и познакомился с Татьяной. Она ему состроила глазки, тот и воспылал страстью. Сначала они гуляли в парке, у всех на виду и ничего плохого в этом не было, их всегда сопровождала гувернантка. Но как-то Михаил выпил с друзьями шампанского, и ему в голову пришла потрясающая мысль, забраться к Татьяне ночью по водосточной трубе в окно. В общем-то, глупая выходка, да и только. Парень он был сильный, занимался гимнастикой и фехтованием. Труба оказалась крепкой, и он проник в спальню к Татьяне. Татьяна недолго сопротивлялась, делала она это очень тихо, чтобы не дай Бог не разбудить отца. В общем, этой же ночью она из девицы превратилась в великолепную любовницу. Ей сразу все понравилось. Она получала от процесса любви дикое удовольствие, не часто такое можно встретить в столь юном возрасте. Оргазм она испытывала, просто, сумасшедший. Теперь Михаил проводил с ней, почти, каждую ночь, если мог тайком вырваться из казармы. Эта безумная любовь продолжалась несколько месяцев. Не знаю, кто их сдал, возможно, Татьяна сама и рас-

сказала все своему отцу, желая выйти замуж за Михаила. Михаил граф и ей такая партия сулила огромное преимущество в жизни. Под утро ее отец появился внезапно в спальне, когда они обнаженные занимались любовью. Скандала еще не было. Отец Татьяны, в тот же день, отправился к родителям Михаила. Татьяна была не совершеннолетней девицей, и ее отец хотел принудить родителей Михаила к свадьбе с его дочерью. Наверное, возражений бы не последовало. Но тогда Михаилу нужно было оставить службу и училище. До получения офицерских погон, об этом и речи быть не могло. Кадет не имел право жениться по уставу. И по-тихому, это сделать не возможно. Слишком громкая фамилия. Только обручение, но какие тут обязательства. Завтра Михаил мог влюбиться в другую особу и прощай и девственность и свадьба. В любом случае девица проигрывала во всем. Будет скандал или нет, не имело значения. Выслушали и Михаила. Тот не возражал, но оставлять службу категорически отказался. Жениться, так жениться, но чуть позже. Разразился скандал. Другого бы уволили из училища, и забрили бы в солдаты, но Михаил свой поступок совершил не по злему умыслу, а по не пониманию последствий, в общем, его батюшке удалось уговорить Великого князя Михаила Михайловича, который был попечителем этого корпуса, и Михаила перевели в Ростов. Как уладил дело отец Михаила с отцом девицы, Михаил не знал. Но гроза прошла, слегка подмочив репутацию Михаила. Михаил и Вано продолжали учиться и дру-

жить. Все свое свободное время они проводили вместе. Вот и скоро окончание училища, для Ваню встал вопрос, а что дальше, куда он поедет служить? Тут понятно. Ваню ожидала служба в средней полосе России, в лучшем случае его могли послать на Кавказ, как местного жителя. Ни каких перспектив в жизни. Найдёт себе провинциальную красотку, хорошо бы богатого помещика, прослужит пару лет и в отставку, ни какой войны на горизонте жизни не было. Будет жить в имении, ходить на охоту и гоняться за местными девками. Вот и вся перспектива в жизни, все равно, это лучше, чем пасти коз в горах. Зато, перед Михаилом открывалось прекрасное будущее. Да, век гусарства прошёл, на дворе конец девятнадцатого века, а вот кавалергарды, с их красивейшей формой ещё остались. Труден путь в кавалергардский полк, но с титулами Михаила ему доступно все. Михаил не хотел расставаться с другом и уговорил его, что бы и он написал рапорт на вступление в полк. Михаила зачислили в полк сразу, а вот Ваню получил отказ. Но тут постарался Михаила отец, отставной генерал, после того как получил письмо от сына.

– Отец, у меня есть друг Ваню, я писал тебе о нём. Он князь, хоть и бедный, но он достоин кавалергардского полка. Прошу тебя, помоги ему, без него я ни куда не поеду, а останусь там, куда назначат его. Твой сын Михаил.

Отец Михаила поехал к полковому командиру кавалергардов, они были давнишними друзьями, и вопрос был снят с повестки дня. Так Иван Тариелович Корнели стал прапор-

щиком кавалергардского полка. Михаил же получил звание на ступень выше, он стал подпоручиком. Когда Ваню впервые увидел Петербург, он был шокирован. Он и представить себе не мог, что могут существовать такие огромные и прекрасные города. На первое время он поселился у Михаила. Нужно было прийти в себя, обустроиться на новом месте. Но его шок на этом не закончился. Все его чаянья о карьере были перечеркнуты мгновенно, когда он понял, сколько будет стоить его парадный мундир, я уже не говорю о деншике, лошади и прочих атрибутов кавалергарда. Но и это оказалось не самым страшным, он мог рассчитывать на приличное жалованье кавалергарда, и при сильной экономии средств, можно было выжить в этих условиях, но весь ужас заключался в том, что кавалергарды никогда не получали жалованья в полковой кассе, за все время существования полка. Ни один офицер полка, даже и не думал об этом, они, и полученные ими ордена изготовляли за свой счет. Вот с этими мыслями Ваню и отправился в комнату Михаила.

– Все Михаил, я пишу рапорт, с просьбой о переводе меня на Кавказ.

Когда Ваню волновался, его кавказский акцент был чудовищен. За время своей учебы он справился с акцентом и сносно говорил по-русски. А сейчас и не все слова его можно было разобрать.

– Ваня, ты не волнуйся. Говори внятно.

– А, что тут не понятного? Когда я подсчитал все свои

расходы по службе, то понял, что у меня есть только два пути. Первый, это пустить себе пулю в лоб, но я, ни чего плохого в жизни не сделал, что бы совершить такой поступок. И второй, надо перевестись в другой полк. Я там, хоть смогу получать свое офицерское жалованье. Даже, если мои родители продадут свои земли с виноградниками и весь скот с частью Кавказского хребта, мне этих денег хватит, только, что бы рассчитаться за парадный мундир.

– Это для меня не новость. Я знал, что так будет. Если бы я тебе в Ростове сообщил об этом и предложил бы деньги, ты бы меня послал, куда подальше. Знаю твою щепетильность и горячность.

– Так ты думаешь, что я тут возьму у тебя деньги? Ошибаетесь подпоручик.

Вано впервые назвал Михаила не по имени, а по званию. Ничего хорошего это не предвещало. Могла возникнуть ссора.

– Ваня не горячись. Я твой друг, выслушай меня, внимательно, не перебивая. Да, я знал, что так и будет. И ничего страшного в этом нет. Не ты первый, и беднее тебя служили, и все было нормально. Нам бы до парада дотянуть. На параде будут молодые дамы из хороших семей. Когда ты на лошади проедешь и покажешь все свои трюки, половина дамочек будет у твоих ног. Мы тебя женим на княжне или графине. И все будет в порядке. И вот тебе деньги. Горячиться не надо. Если хочешь, можешь расписку написать. Женишь-

ся, отдашь. Да, и лошадь твоя стоит на конюшне, вороной конь, ахалтикинец, Агдам. Вот иди на конюшню и знакомься с ним. Там вы найдете общий язык быстро.

Вано еще немного посопел, но слово конь, его возбудило в другую сторону. Стреляться он больше не хотел и побежал увидеть друга. По-другому он к лошадям не обращался. На конюшне стоял прекрасный конь, через пять минут, они уже были «не разлей вода». Мирная жизнь. Служба в полку не обременительна. Полк готовился к параду. То, что на лошади умел делать Вано, не мог повторить ни один кавалергард, и Вано должен был показать все это Императору. Ясный солнечный день. Император со всей своей свитой принимает парад. Маршем прошел Семеновский полк, за ним и Измайловский, настал черед кавалергардов. От их мундиров расшитых серебром и золотом исходило сияние. Казалось, что включили тысячи ламп на плацу. Проскакали они перед главной трибуной великолепно. Потом выехал Вано на своем красавце коне. Сначала конь встал на дыбы и заржал, затем очень смиренно поклонился Императору, согнув, при этом переднюю левую ногу, и стал на колени. Вано вытащил саблю из ножен, что он вытворял потом на своем коне, такого зрители давно не видели. Затем строем прошли и другие полки. Царь был в восторге от увиденного им. Александр III рукой подозвал к себе адъютанта.

– Что за молодец на лошади показывал мне джигитовку, спросил он. Пусть подъедет к трибуне, я хочу с ним позна-

КОМИТЬСЯ.

Через минуту Ваню подъехал к Александру III.

– Как звать тебя молодец?

– Прапорщик князь Корнели, Ваше Величество.

– А еще лучше сможешь?

– Как прикажете Ваше Величество.

– Ладно, иди, служи Отечеству.

– Слушаюсь Ваше Величество.

И Ваню ускакал. Теперь Ваню думал, что любые двери для него открыты, и он сможет сделать для себя отличную партию. Но все оказалось гораздо сложнее.

Князь, то он князь, но такими князьями, как он, можно было выложить всю мостовую Невского проспекта. Если бы он был в Москве, или на худой конец в Париже, возможно там бы его и приняли в лучших домах, но это Петербург, столица Мира, тут для него двери, ни кто не открыл. Да, его принимали у себя знатные вельможи, но только с Михаилом, прием был холоден и без рукопожатий. Ваню отчаялся. Пора покидать Петербург. Как-то осенним днем перед ним проехала коляска, в ней сидела очень красивая женщина. Как только Ваню ее увидел, его поразила стрела Амура в самое сердце. Он влюбился сразу и готов был умереть за свою любовь. Он начал ходить за ней повсюду. Около десяти утра дама выезжала в парк и около часа гуляла со своей болонкой. Встречалась с подругами в кафе, после обеда. По вечерам посещала театры, но все время была одна. Ваню узнал, где

она живет, но не представлял себе, как с ней познакомиться. С этим он и явился к Михаилу.

– Михаил, я влюблен. Эта самая прекрасная женщина, которую я видел в своей жизни. Ты у нас человек знатный, поехали к ней, и ты, мня, представишь ей. Если она меня отвергнет, то я тот же час уеду из Петербурга.

– Я не против. Но кто эта дама, как, хоть, звать-то её?

– Я не знаю ее имени. Она живет на Фонтанке, у моста, в пятиэтажном доме. Занимает весь второй этаж.

Михаил задумался.

– Ваня, друг мой. А случайно не Татьяной ее звать?

– Не знаю Миша, но красоты она необыкновенной. Поехали, я не могу ждать.

Они сели в коляску и покатали по мостовой. Подъехали к дому. Теперь Михаил все понял. В этом доме жила Татьяна. После скандала Михаил Татьяну не видел больше. Даже, когда вернулся в Петербург, не нанес свой визит к ней. Между ними все было кончено. Хотя, может Татьяна и съехала с этой квартиры, на это и надеялся Михаил. Они вышли из коляски у парадного подъезда. У входа их встретил бородатый швейцар.

– Любезный, кто живет на втором этаже, спросил Михаил.

– Барыня Татьяна Гавриловна Бородина со своим батюшкой.

Михаил взял Ваню за руку.

– Теперь и не знаю, что делать Ваня. Это Татьяна, та о ко-

торой я тебе рассказывал.

– Мне все равно. Знакомь. Я влюблен и хочу на ней жениться.

– Иван, побойся Бога. Тогда, сначала ты должен убить меня, потом просить ее руки.

– Ничего это меня не интересует. Она была молодая и дурная, ты был молод и глуп. Мне все равно, что было вчера. Меня интересует, что будет сегодня и завтра. Пошли к ней.

Они поднялись на второй этаж. Дверь им открыл лакей.

– Чего изволите господа?

– Барыня дома?

– Да. Только что пообедала, собирается в город.

– Мы к ней. Проведи нас.

– Как вас представить?

– Граф Михаил Ермолов.

– А второго барина как звать-то.

– Это тебя ни касается, назови только меня одного.

Они зашли в приемную и стали ждать. Как только лакей сказал, кто пришел, Татьяну охватило жуткое волнение. Неужели вспомнил, подумала она. Столько лет прошло. Ладно, поговорим, узнаю, чего он хочет. Потом и думать буду.

– Пригласи графа в зал. Сейчас я выйду к нему.

Михаил приказал Ване ожидать его в приемной.

– Когда будешь нужен, позову, а так сиди тихо, как мышь, и ушел.

Через некоторое время появилась и Татьяна. Она встрети-

ла Михаила прохладно. Но если бы Михаил обнял ее, она бы ответила ему взаимностью. Таков был ее не хитрый план. Сама вешаться ему на шею, она не желала. Если обнимет, то сразу под венец, в постель больше она просто так с ним не ляжет.

– Здравствуйте сударь, чему обязана Вашим визитом. Вы уже давно в Петербурге, но так и не соизволили нанести мне визит. Несколько лет назад, Вы бурно признавались мне в любви. Теперь я нормально и замуж выйти не могу. Так, чем обязана?

– Здравствуй Татьяна. Не надо так холодно и жеманно меня принимать. Я к тебе по делу.

– Так я Вас и слушаю. Говорите граф.

– Давай без сцен и сантиментов. Любил ли я тебя? Наверно, любил. Давно это было. Забудем об этом. У меня есть друг, он влюблен в тебя. Просит, что бы я представил его тебе. Это достойный человек.

– Ну, конечно. Надкусил яблочко и теперь хочешь сбить меня с рук, и с глаз долой. Вы в своем уме граф?

– Вот опять ты за свое. Еще неизвестно, кто кого совратил. Наверняка, это ты все и рассказала своему отцу, что бы женить меня на себе. Не надо строить невинность. Повторяю, я не затем пришел, что бы ворошить старое. Я князю все рассказал о нас с тобой. Он настаивает на встрече. Ему все равно, что было раньше, он влюблен. Я не хотел этого делать, но повторяю, он настаивает. Он человек не обычный.

Он грузинский князь и если он прощает все наши прегрешения, то он, действительно влюблен. А тебе и решать, нужен ли тебе такой супруг или нет. Естественно, я на свадьбе присутствовать не смогу, но если, хоть кто-то плохим словом обмолвится о тебе и о нем, я вызову того негодяя на дуэль. Пусть это будет стоить мне жизни или карьеры. Надо всегда платить по счетам. Я еже не тот повеса, которого ты знала несколько лет назад. Я здорово изменился. Жизнь научила.

– Да, он еще и князь. Ладно, зови своего князька, будем чай пить. Сейчас я распоряжусь.

Представление Ивана Татьяне, на удивление прошло спокойно. Они мирно беседовали. Татьяна не рвалась замуж, но и такое ее положение в обществе не устраивало. Поживем, увидим, подумала она. Мужчина он симпатичный, делает предложение, я ему не откажу. В Петербурге нас не примут, а вот на периферии и за границей княжну примут везде. Слава Богу, не бедная. Окажется плохим мужем, будет ходить с рогами, а если и разведемся, то, хоть титул у меня останется. Кому какое дело, что грузинский, все одно князь. Михаил их оставил, а они еще долго беседовали между собой. Теперь Ваню все время пропадал с Татьяной. Молва его не волновала. Он появлялся с ней в театре и на приемах. Через месяц Ваню сделал предложение Татьяне, она согласилась и тут же уложила его в свою кровать. Она истосковалась по мужчине. Ваню оказался девственником, но Татьяну он полностью удовлетворил, как женщину, а как муж, Татья-

на узнает об этом позже. Они счастливые венчались в церкви. Михаил был приглашен на венчания, но в церкви так и не появился. Через год Ваню вывели в отставку в звании подпоручика, и они уехали в имение отца Татьяны, которое он выкупил специально для молодоженов. Еще через год родился их сын Георгий. Больше Татьяна детей иметь не хотела. Они много путешествовали по Европе, но жили скромно и денег им хватало. Ваню на деньги жены отстроил, и свое родовое гнездо и они в летние месяцы проводили в горах или у Черного моря. Георгия они оставили в Грузии, на попечение бабки с дедом. Тот рос как простой крестьянин. В горы он не пошел, а спустился вниз к морю. Как подросток, начал ходить с рыбаками в море. Море он полюбил на всю свою жизнь. Он был физически крепок, не большого роста, слегка кривоног, сказалося кавалерийское прошлое его отца. Ему дали образование, какое смогли, и в шестнадцать лет он отправился в Петербург, искать свое счастье.

Мой рассказ был бы не полон. Хочу забежать несколько вперед и закончить рассказ о родителях Георгия. В восемнадцатом году, когда Георгий думал, что его родители в Париже, они были в своем грузинском имении. О революции в России они толком ни чего не знали. Их все сбережения находились в кредитном банке Петербурга и когда они перестали получать положенные им деньги, то только тогда поняли, что в России случилось несчастье. Ох, как они ошибались, что Грузию минет бунт, но смута пришла и туда. Сначала-

ла запылал Тифлис, а потом и вся Грузия была в огне. К ним в имение прискакали какие-то люди в оборванных шкурах с винтовками за плечами. Крестьяне забились по своим углам. Кто были эти люди красными или просто бандитами, ни кто уже об этом не скажет. Сделали обыск в доме, разрушили и поломали все. Никаких ценностей не нашли, кроме украшений Татьяны. Их обоих связали и на ночь кинули в сарай. Тут и призналась в любви Татьяна своему мужу.

– Ты знаешь Ванечка, я ни когда не признавалась тебе в своей любви. Теперь хочу это сделать. Когда мы с тобой поженились, ты полностью удовлетворял меня как мужчина. После Михаила, у меня было несколько любовников, чего греха таить. Так, что мужчин я знала. Но они по сравнению с тобой меркнут. Любила ли я тебя тогда, наверно, нет. Просто, мне было с тобой хорошо и спокойно. Я думала, что ты будешь меня ревновать к каждому фонарному столбу и делаешь мою жизнь невыносимой, но ты, ни разу не попрекнул меня за мою молодость, за ошибки молодости, так будет вернее. Ты меня боготворил, я видела это. В Ницце, когда я ушибла ногу, ты меня на руках отнес в отель, вот тогда я поняла, что люблю тебя. Я не знала, как тебе в этом признаться. Я так отдалась тебе той ночью, что и сама испытала блаженство. После этого я больше не посмотрела ни на одного мужчину. Теперь ты стал мой и навсегда мой. Если нас убьют, мне не страшно умирать, ты рядом со мной, мой единственный мужчина. Я люблю тебя Ваня.

Татьяна перекатила свое тело и как змея, скорее, как гусеница очень медленно подползла в Ваню. Их губы сомкнулись в долгом поцелуе. Утром появились их мучители. Они долго били Ваню, требуя у него золота и денег, потом принялись и за Татьяну. Ударили ее несколько раз по щекам, потом разорвали на ней платье. Татьяне не было еще и сорока лет, и выглядела она прекрасно. На глазах у Ваню, они начали насиловать его жену. Ваню мог стерпеть свои побои, но этого стерпеть он уже не смог. Где только взялись у него силы. Он разорвал веревки, которыми были связаны его руки. Одного он убил сразу, заколов его рогатиной, другого задушил своими руками. Выскочил из сарая и устремился в свой дом. Там он схватил свою кавалерийскую шашку, которой ни разу не пользовался в жизни. Попросту, некого было ему убивать раньше. Выбегая из дома, он заколол еще одного врага. Больше убить он ни кого не смог, пуля, пущенная из винтовки, пробила ему грудь и сердце. Татьяну, опять связали и оставили в сарае. Когда бандиты уезжали, они подожгли дом и сарай. Вот так окончилась жизнь родителей Георгия.

V

Первая встреча Георгия и Федора произошла в экипаже, в начале учебного года, когда Федора представили, как курсанта, которого приняли в старший класс. После занятий, когда гардемарины возвращались к себе в кубрик барон фон Штольц глупо и подло пошутил.

– Вы посмотрите на этого грузинского князька. Его так

и перевели в старший класс с его-то знаниями. Ему не на боевом корабле надо служить, ему надо сесть на лошадь, а лучше на мерина, его кривые ножки позволяют такое сделать и скакать по горам. Чего ему в море делать?

У Георгия загорелись глаза. Его руки по привычке потянулись к ремню, за кинжалом, но он был одет в форму гардемарина, а там кинжал на ремне не висел. Он попытался ринуться в бой и набить морду обидчику. Но тут кто-то взял его за плечо и сказал.

– Не торопись Георгий, не ломай дров.

Он повернул голову в сторону говорящего, это был Федор, который продолжал говорить.

– Барон, вы, наверное, хотите, что бы Георгий полез в драку и его отчислили бы из училища. Или, что бы он вас вызвал на дуэль. Наверняка, вы прекрасный фехтовальщик и лихо разделаетесь с ним. Так вот барон, вы обидели моего лучшего друга, хотя Федор впервые видел и барона и Георгия, так вот, я хорошо знаю дуэльный кодекс, там сказано, что на дуэль может вызвать вас и друг, оскорбленного вами человека. Так вот, я вас вызываю. Я прекрасно знаю, что дуэли запрещены, и я понимаю, что кто-то обязательно доложит по начальству об этом эпизоде, в противном случае накажут всех присутствующих. Раз на шпагах нельзя, я предлагаю вам сделать это на палках. Все будут живы, но один из нас будет сильно избит и покинет стены училища. Если вы боитесь, покиньте кубрик и никогда больше не возвращайтесь сюда.

Федор барону не оставил выхода. Если барон откажется, ему придется уйти из корпуса, а так был шанс проучить этого нового выскочку. Барон не знал о Федоре ровным счетом ни чего, ни его происхождения, ни кто стоит за ним. Он согласился.

– Извольте сударь, на палках, так на палках. Проигравший уходит из училища. Встречаемся в двадцать три ноль, ноль в зале для фехтования. Мы вдвоем и более ни кого, без свидетелей.

– Я согласен.

Гардемарины разошлись по своим местам. Для Федора драка на палках была любимая забава. В имении своей матери, он часто дрался на палках с дворовыми ребятами. Сначала он проигрывал, пока не понял весь смысл происходящего. Это шпагой один укол и соперник повержен, тут надо перебороть страх смерти и спокойно фехтовать. При фехтовании на палках, можно нанести огромное количество ударов, друг другу, а вот тут главное, надо терпеть боль, не обращать на нее внимание. Рано или поздно, соперник сдастся. После этого он стал побеждать всех мальчишек. Потом болело все тело и руки. Долго не проходили синяки. Но ты победитель, а это чувство дорогого стоит и можно перетерпеть боль.

Командиру роты доложили о предстоящей дуэли, и он отправился к начальнику училища с этой вестью. Он не знал, как поступить. Оружия нет, значит, и криминала нет. Но как на это отреагирует начальство. Капитан-лейтенант зашел

в кабинет к начальнику.

– Разрешите обратиться, господин капитан первого ранга.

– Заходи Сергей Владимирович, давай без церемоний и по-быстрому. Мне домой пора, жена ждет.

– Тут такое дело. Штольц специально оскорбил Корнели, хотел спровоцировать его на драку. Корнели защитит будет не кому, а вот отец Штольца вхож в генеральские круги. Но неожиданно вмешался наш новый гардемарин (?) и он вызвал на дуэль Штольца. Не волнуйтесь Петр Аркадьевич, слава Богу, не на шпагах, а на палках.

– Так чего ты хочешь от меня. Пусть подерутся, свидетелей же нет. Не убьют же они друг друга. Слегка поколотят один другого, делов-то.

– Я боюсь, как бы скандала не вышло.

– Да, какой там скандал. Барона этого проучить надо. Я не знаю, кто кого побьет, а неприятностей точно не будет. У нового гардемарина все в порядке с защитой. Его отец при Высочайших особах врачом состоит и с происхождением у него все в порядке, по своей родовитости он не уступит не только этому барону и многим князьям нашим, я хорошо знаком с его личным делом. В гардемаринны он зачислен по Высочайшему постановлению, без экзаменов. Хотя и сдавать ему экзамены не надо, гимназию он окончил с золотой медалью. Но Вы Сергей Владимирович не уходите, сегодня со службы домой. Проследите, чтобы не поубивали друг друга. Завтра утром доложите, что и как.

В условленное время соперники явились в зал. Федор принес с собой две оструганные палки, одинаковой длины.

– Выбирайте барон и приступим к делу.

Барон, действительно, оказался хорошим фехтовальщиком. Он сразу же ринулся в бой и нанес Федору несколько болезненных уколов в грудь и живот. Если бы это были шпаги, плохо пришлось бы Федору. На следующий выпад барона, Федор очень болезненно стукнул противника по правой кисти. Барон, аж побелел от боли. Вот с этого момента стало ясно кто победит. Федор все чаще и чаще стал бить барона по рукам. Он ни куда не торопился. Пока барон тупо наступал, Федор бил только по кистям рук и предплечью. Когда напор барона иссяк, Федор начал бить его по корпусу и плечам, но когда Федор начал бить его палкой ниже пояса и приговаривать, это тебе не крестьян лупасить в своем имении и не матросов сечь на корабле, барон пришел в полную ярость. Этого и ждал Федор. Он ни когда не читал выражений китайских мудрецов. Если ты вывел соперника из равновесия, ты победил уже. Но он прекрасно знал это состояние. Теперь Федор, попросту лупцевал барона и ждал когда тот, попросит пощады. Ни калечить, ни, тем более, убивать барона он не собирался. В самый разгар боя появился командир роты. Когда гардемарины, следившие за поединком сквозь замочную скважину, посмотрели в его сторону, он приложил указательный палец правой руки к своим губам и сказал: – ТСС. Гарды успокоились.

– Ну, что там, спросил ротный.

– Все в порядке, бьют барона сильно, но аккуратно. Поначалу барон кинулся в атаку, и мы думали, что достанется Федору, но постепенно Федор переломил бой и сейчас, просто, сечет барона по ягодицам.

– А ну, отойдите, дайте глянуть.

Ротный командир превратился в мальчишку и стал подглядывать в замочную скважину. Бой продолжался еще минут пять, не больше. Барон завыл по-собачьи, ни сколько от боли, сколько от обиды нанесенной ему Федором. Федор высек его как дворового мальчишку. Боль придет, только, завтра, когда распухнут кисти рук и начнут болеть ушибленные места. Федор бросил палку на пол и вышел из зала, в коридоре уже ни кого не было. Наблюдатели успели удалиться. Федор пришел в кубрик. Все молчали.

– Все ребята, не знаю, как вы относились к барону, но он свое получил. И очень прошу вас, больше никогда не обижайте моего лучшего друга «Зобса». Он князь и требует к себе уважения. Нужно соблюдать приличия и кодекс чести. Мы дворяне, мы будущие морские офицеры, а это дорогого стоит.

Так Георгий получил сразу два в одном, свое знаменитое в будущем прозвище «Зобс» и лучшего друга на многие годы. У всех гардемарин было свое прозвище, ни кто не обижался на это, так и Георгий принял с радостью свое новое прозвище.

На следующий день ротный доложил командиру о ночных событиях и принес рапорт барона о его прощении на перевод в севастопольское военно-морское училище. На что командир лаконично ответил.

– Гардемарина наказать. Лишить увольнительной на месяц. Мы же его должны наказать. Ничего страшного с ним не будет. Он человек новый в экипаже, пусть оботрется с новыми товарищами.

А на рапорте, размашистым почерком написал. Не возражаю и рапорт отправить по начальству.

Крещение Федора в корпусе прошло успешно. Он стал авторитетным и уважаемым гардемарином. Георгий, как и его отец, в прошлом, стал тенью Федора. На что Федор ему серьезно ответил.

– Георгий, я не только что отелившееся корова, а ты не мой телок. Мы равноправные друзья, перестань прилюбо-страстно смотреть на меня.

Их койки были рядом, в классах они сидели за одним столом, принимали пищу рядом. Во время увольнений, как они выражались, на берег, Георгий жил у Федора дома. Федор занимался с ним математикой и астрономией, а Дарья учила его французскому языку. Георгию нравилась Даша и, похоже, он влюбился в нее. Что бы ни кто не знал, он дарил Даше цветы, та смеялась, но цветы принимала и обо всем рассказывала Федору и Елизавете Стефановне. У нее не было секретов. Федор ничего Георгию не говорил, только подсме-

ивался про себя над ним. Однажды вечером Георгий спросил у друга.

– А кто такая Дарья, я не могу понять. Вроде не сестра твоя, твоих родителей величает по имени и отчеству.

– Для меня, больше чем сестра. Для родителей воспитанница. Она простая крестьянка, родители ее погибли, вот моя матушка и забрала ее в наш дом. Я так думаю, перед ее замужеством, отец подаст прошение на Высочайшее имя, что бы удочерить ее. А ты, что влюбился в нее.

– Не знаю Федор, но когда я ее вижу, у меня сердце начинает учащенно биться. Она такая красивая.

– Подай прошение на имя моей матери. Она его рассмотрит, через годика три, если ты станешь Георгиевским кавалером. А Дарья выше тебя ростом и на много выше. Как ты с ней будешь танцевать на балу, пошутил Федор.

Георгий не воспринял эту шутку, он, просто, задумался.

Вот я вам и рассказал о дружбе Федора и Георгия.

VI

Георгий привел в порядок все свои вещи и вещи Федора

– Федор пошли на бал, там будут такие прекрасные девушки. Я хочу познакомиться с выпускницей, вдруг мне повезет, и я найду свою любовь. Я буду приходить из похода, а меня на берегу будет ждать моя возлюбленная, это так прекрасно, когда на берегу тебя ждет любимый человек.

– Зобс, ты чего, французских романов начитался? Выбрось это из головы. Успеешь еще найти приключения

на свою голову.

– Ничего ты не понял Федя, я влюбиться хочу.

– Да, все я понял, это ты ни чего не понимаешь. Тут ни кого искать не надо. Ты ее сам встретишь. Все равно где, на балу, в дворянском собрании. На улице или в театре. Увидишь и сразу скажешь себе. Вот моя женщина, я женюсь на ней, она будет матерью моих детей. А красота, понятие растяжимое и малообъяснимое. Одним нравятся брюнетки, другим блондинки и каждый прав по-своему. И к тебе придет любовь. А если у тебя, просто выпирает, у меня, где-то в кителе завалился серебряный рубль, сходи в бордель, делов-то.

– Пошли Федор. С этой войной и с этим бардаком, под названием февральская революция, думаю, не скоро выпускные балы еще будут.

– Да, я и не готов. Мне одежду привести в порядок надо, а через десять минут построение.

– А вот тут Вы не правы Ваше сиятельство. Все готово. Извольте одеваться, с радостью, что друг согласился, выпалил Георгий.

– Неужели Ваша светлость, Вы саморучно и самолично все привели в порядок, подыграл Федор. Ручки князьки не боялись ваксой замарать?

– Одевайся Федор, времени нет.

Этот разговор они вспомнят спустя полвека.

Федор оделся. Всех позвали на построение, и они выстроились во фронт. Речь держал командир роты.

– Гардемарины. Вы отправляетесь на выпускной бал. Впервые вас не будут сопровождать офицеры корпуса. Я вас очень прошу, не подведите меня. Я не боюсь фронта, я сам туда рвусь. Я волнуюсь за вас. Вы будущее России. Думайте о своих поступках. Там будут присутствовать офицеры, приглашенные барышнями на бал, скорее всего они их женихи. Не лезьте на рожон. О дуэлях и прочих боевых действиях, даже не думать. Не буду вас утомлять. Ребятки мои дорогие, еще раз прошу вас, сначала думаете, потом делаете. Все свободны. Вольно.

Федор и Георгий сели на извозчика и покатали на бал. В вестибюле у гардероба принимали верхнюю одежду, у кого она была, а главное принимали все холодное оружие. Шпаги, сабли и кортики, тогда еще к парадному мундиру офицера не полагался пистолет. Отбирали оружие, так распорядилась Великая княгиня, попечительница данного учебного заведения, на прошлом балу была стычка между офицерами из-за девушки выпускницы. Не поделили, кто с ней будет танцевать. Для того, что бы обезопасить присутствующих, она и издала этот указ. Сама же Великая княгиня восседала на видном месте в кресле в актовом зале. На стульях сидели выпускницы, все в шикарных бальных платьях. Все они были молоды и красивы. Это был настоящий институт невест. Их обучали танцам, пению, игре на фортепиано. Иностранные языки они знали в совершенстве. Немного арифметики, алгебры и геометрии, из наук упор делался на географию.

Они умели варить варенье, вышивать и знали домоводство. Что еще должна знать жена офицера? Вот как любить, этому научить ни кто не мог.

Когда начали выпускниц вызывать к столу, для выдачи дипломов об окончании института, по аплодисментам, можно было понять, сколько у каждой кавалеров. Без рукоплескания не обходилась ни одна девушка. На противоположном краю зала, у окна сидели две девушки, прижавшись, друг к другу, видимо подруги. Когда Федор одну из них увидел, то сразу и обомлел. Вот она, мать будущих его детей, пронеслось в его мозгу. Он ни чего не мог с собой поделатъ, он смотрел на неё, буравя своим взглядом. Видимо, девица почувствовала его взгляд своей белоснежной кожей. Она повернула голову и их глаза встретились. Так они смотрели друг на друга, несколько минут. Федор издалека увидел, что щеки девушки зарделись румянцем. Потом она отвернулась, и что-то шепнула подруге на ухо. Та посмотрела на Федора и засмеялась. Первую пригласили к столу графиню Софью Румянцеву. Высокая и красивая, русоволосая и озорная на вид. Она гордой походкой подошла и получила диплом. Потом, через некоторое время пригласили и баронессу Серафиму, ту самую девушку, на которую смотрел Федор. Она была несколько ниже своей подруги. Длинная, до пояса тугая черная коса, убранная белым бантом, большие миндалевидные черные глаза, высокая грудь. Нет, она не была полной, но как говорят, у нее все было на месте. А талия, какая тон-

кая талия. Казалось, ее можно было обхватить кистью одной руки. Федор был сражен в самое сердце. Все, обратной дороги нет, подумал он. Гардемарин, вперед.

После получения аттестатов, начался концерт. Девушки пели романсы, и арии из опер. Все было чинно, благородно и строго. И вот на сцену вышли Серафима и Софья. Софья села за рояль, Федор подумал, что и сейчас прозвучит ария, и ему стало очень скучно. Но Серафима запела шутовскую песенку из знаменитого водевиля, весь зал ее подхватил. Серафима кривлялась, корчила рожицы, а когда в самом конце песни прокрутилась на одной ножке и встала на колени, зал ахнул. Так все было смешно и правдоподобно. Теперь Федор был сражен окончательно и бесповоротно. Концерт окончился, и начались танцы. Федор направился к Серафиме, что бы пригласить ее на танец, а тут, перед самым его носом ее ангажировал моряк лейтенант. Серафима лукаво посмотрела на Федора и пошла, танцевать с лейтенантом. Федор стал ждать второго танца. Заиграл вальс и он с легким поклоном головы пригласил Серафиму, но тут опять возник лейтенант.

– Простите гардемарин, но и второй танец мой. Рядом с вами стоит прекрасная девушка, зовут ее Софьей, почему бы вам ее не ангажировать на вальс.

Федор пригласил Софью, и они закружились по залу. Серафима, вновь, состроила глазки Федору.

После вальса девушки ушли в дамскую комнату. Федор,

несколько, зло посмотрел на лейтенанта и обратился к нему.

– Господин лейтенант, третий танец мой. Я не думаю, что нам нужна ссора.

– Гардемарин, вы сильно горяч, это может повредить вашей карьере.

– Не надо блюсти мою нравственность, я могу за себя постоять и ответить за это.

– Ладно, ладно, гардемарин. Не буду больше вас злить, а то вы сильно горячи. Это Софья с Серафимой решили вас разыграть. Софья моя невеста, после бала я ей сделаю предложение руки и сердца, потом мы отправимся к ее родителям. Меня Алексеем зовут, будем знакомы.

И он протянул руку.

– Федор.

Мужчины крепко пожали друг другу руки. Алексей продолжал.

– Серафима славная девушка, выдумщица и хохотушка. Очень положительный человек. Они с Софьей дружат с детства. Раньше дома их были рядом. Когда Серафимин отец умер, она с матерью переехала на другую квартиру. Долго рассказывать, захотите, узнаете сами.

К ним подошел еще один гардемарин.

– Алексей, разреши тебе представить моего лучшего друга. Это Георгий.

Ну, а теперь, раз нас трое, сказал Алексей, не выпить ли нам шампанского за встречу?

Возражений не последовало. Они подошли к столу. Подошли и девушки к ним. Тут Федор впервые услышал, как говорит Серафима.

– Ну, конечно, где же мы можем найти кавалеров, только там где пьют. Я смотрю, вы уже познакомились и собираетесь пить брудершафт. Я так на вас надеялась Алексей, у вас было такое прекрасное задание. Наверняка, вы уже все рассказали гардемарину, я вижу это по вашему лицу, вы не умеете лгать.

– Милая Симочка, сдаюсь и каюсь. Но этот гардемарин, чуть меня на дуэль не вызвал, ох и горяч. Да, разрешите вам представить своих друзей. Федор и Георгий. Прекрасные ребята.

– Это понятно. Выпили шампанского и уже друзья. Пойдемте танцевать, мы же на балу.

Теперь Федор кружился по залу с Серафимой. От неё пахло любовью и исходило тепло. Невероятные ощущения. Бал окончен, все начали расходиться. Алексей вышел в гардероб и вернулся оттуда с большим букетом роз. Зрителей, почти, не было. На колени он не стал, просто, преподнес Софье букет цветов и подал ей маленькую коробочку. Софья букет приняла, а когда открыла коробочку и увидела колечко, обняла за шею Алексея.

– Я знала, что именно сегодня ты сделаешь это. Поехали к родителям, еще не так поздно и они все равно будут ждать меня.

– Давай возьмем с собой и Федора с Георгием. А Сима

и так понятно, поедет с тобой.

– Возражений нет, поехали. Папа коляску за мной прислал.

Они вышли из зала. Георгий был скучен.

– Федя, я ни куда не поеду, чего мне там делать. А сам не забудь, в двадцать четыре часа надо быть в экипаже.

– Зобс, ты прикрой меня, если, что. Могу и опоздать, видишь, как все обернулось.

Георгий ушел. Другие же уехали в коляске. Родители ждали Софью. Когда увидели, что она не одна, с цветами и такая счастливая, сразу все поняли. Алексей давно ухаживал за Софьей. Хоть Софья была и графиня, но они не чинили ей препятствий. Алексей был из хорошей дворянской семьи и, по отзывам старших командиров, достойный человек.

– Ладно, ничего говорить не надо Алексей, мы и так все понимаем, начал Отец Софьи. Мать, принеси икону. Давай их благословим.

Молодые встали на колени, а Федор с Серафимой стояли рядом и смотрели. Федор машинально взял девушку за руку, та руку не одернула. Так они и простояли все это время, держась за руки.

Когда отец и будущий зять ушли в другую комнату, обговаривать день свадьбы, Софья немного испортила Федору настроение.

– Есть поверье, кто случайно присутствует на благословлении и сам получает часть благословления. Но Вам Федор,

ох, не просто будет это сделать. Серафима помолвлена, с детства, с бароном, правда барон укатил к себе в Берлин, но слово, есть слово.

Серафима спасла положение.

– Во-первых, я совсем не знаю Федора, а во-вторых, моя драгоценная подруга, слово дал мой батюшка, царствие ему небесное, меня ни кто не спросил. Так, что мое сердце свободно, да и барочник мой, вряд ли вернется. Мы одолеем Германию.

Из комнаты вышли мужчины. Отец был несколько взволнован.

– Я предложил Алексею подождать год, так положено, но он настаивает, что бы свадьба была в начале лета. Я не согласился. Молодые должны хорошо еще подумать. Куда торопиться, вся жизнь впереди. Я понимаю, что война, но брак, это очень серьезный шаг. В общем, полный компромисс, мы решили, венчание десятого сентября.

Алексей остался в доме, а Федор пошел провожать Серафиму. Был теплый майски вечер. Серафима жила не далеко, в двух кварталах и они пошли пешком. Сначала болтали ни о чем, так о разном. Потом Федор спросил.

– Софья правду сказала о женихе?

– Федя, можно я буду вас так называть? А меня можно попростому, Сима. Давайте не будем касаться этой темы, еще не время. Вы заходите ко мне запросто, без церемоний. Мама баронессой стала, когда второй раз вышла замуж, потом

родилась я. У отца, от первого брака, было пять дочерей, хотел сильно сына, и он женился во второй раз. Но, к его сожалению, опять родилась девочка. Отец умер, мы с родственниками здорово судились. Наследство переполовинили, теперь мы не богаты и живем просто. Титул остался, но денег больших нет. У меня вопрос к тебе Федя. Неужели ты хотел Алексея вызвать на дуэль? Ты же меня совсем не знаешь.

– Нет, и в мыслях не было. За это бы наказали всех гардемарин класса, а они-то причем. А вот, ссора могла произойти. Алексей офицер, а меня бы ждала гауптвахта, суток на двадцать. А Вы Серафима, мне очень нравиться, я очень желаю продолжить с Вами знакомство.

– Давайте не будем спешить иначе мы опять перейдем на «Вы». Я же сказала тебе, будешь свободен, заходи. Обычно я нахожусь дома, а если меня нет, значит, я у Софьи. Других подруг у меня нет.

Так они пришли к дому Серафимы.

– Спокойной ночи Серафима, как только у меня будет увольнительная, я буду у вас.

Серафима, вновь лукаво взглянула на Федора и прошла в подъезд. Федор долго звал извозчика, и, заплатив ему последние деньги, что у него были, заставил кучера гнать лошадь. Он опаздывал. Без одной минуты двенадцать он прошел КПП экипажа. Они с Георгием, который нервно ждал друга, расстелили свои койки и легли.

– Ну, что Георгий, ты нашел, что искал?

– Все девушки красивы, но в душе, ни чего не пошевелилось. Лучше бы ты мне ни чего не рассказывал о любимой женщине. Теперь я из-за тебя не скоро найду свою жену. Хотя, ты знаешь Федор, после твоих слов, я понял, что влюблен в Дарью. Я еще подумаю над этим. Я стану Георгиевским кавалером, но боюсь, что война кончится раньше, чем я стану офицером. Но я не такой красавец и роста мне не хватает.

– Георгий, разве дело в красоте и росте. Ерунда это все. Если девушка тебя полюбит, разве есть разница, высок ты или нет. Если дама гонится за красавцем, зачем тебе такая? Человеку нужен человек, а не кукла или истукан. И про ордена я пошутил. Дашка хорошая, если увидит, что ты ее любишь и ты ее мужчина, будет тебе согласие с ее стороны и любовь. Она человек с большим сердцем. А я Георгий так тебе благодарен, что ты вытащил меня на этот бал. Сегодня я встретил ту девушку, о которой мечтал. Я не ошибаюсь. От нее исходит тепло, и она пахнет любовью. Я влюбился. Мне кажется, что это не романтика, а то чувство, которое должно привести меня под венец. Я добьюсь ее любви и уважения. Давай спать Зобс.

VII

Хочется немного подробнее рассказать о Софье. Последний ребенок в семье, последыш, самый любимый в русских семьях. Баловень судьбы. С детства не знала, что существует слово, нет. Исполнялась ее любая прихоть. Вот в такой обстановке она и росла. Чего она желала в жизни? А чего мо-

жет желать избалованный ребенок, развлечений и сладкой жизни. Все к этому и шло. Ребенок рос, стал подростком, появились новые знакомые, но после нескольких минут общения, все ее, вновь обретенные подруги, отворачивались от неё. Девочка стала чувствовать одиночество, а ее тянуло в общество. Не может ребенок быть один. Три старших брата не могли ей заменить подруг, хотя они и были дружны с Софьей. В десять лет в ее жизни появилась Серафима. По-знакомились они случайно, хотя их дома стояли рядом, просто, круг общения их родителей был разным. У Софьи отец, отставной генерал, у Серафимы отец, владелец ювелирной фирмы и магазинов, ни какой связи, но судьбе было угодно свести их вместе. Ранней весной, в праздничный день обеих девочек вывели на прогулку в парк. Серафима огонь, сорви-голова, черные глаза огнем горят, Софья одинока и не понятна, в глазах нет яркого свечения. Подружились они быстро. На Софьины капризы Серафима не обращала внимания, ее это не беспокоило и не огорчало, как других подростков. Софья все время пыталась командовать Серафимой, а на деле получалось, что главенствует всегда Серафима. С осени они и учиться вместе стали и постепенно в характере Софьи наступил перелом. Девушка стала спокойная, уравновешенная, с большой жадной знаний, она по-другому увидела мир. Оказалось, он прекрасен. Не надо ни над кем командовать и главенствовать, лаской и прилежанием можно добиться большего в жизни. Нельзя приказать солнцу светить яр-

че, траве быть зеленее. Надо принять мир, таким, какой он есть, а главное, не от родителей зависит твоя судьба, а от тебя самой. Все как в Библии, что посеешь, то и пожнешь. Теперь, кроме Серафимы, у нее появилось множество подруг, ей стало интересно жить в обществе, среди людей. Все свое свободное время она пропадала у Серафимы. Чем могли заниматься девчонки подростки? Читали книги и мечтали о счастливой жизни, но мечтали не о жизни с принцем, их мечты были земные, они мечтали о земном счастье. Впервые с неравенством в жизни Софья столкнулась, когда у Серафимы умер отец. После смерти мужа, мать Серафимы не могла содержать дом, в котором они жили, им пришлось переехать в другой дом, так сказать, в более скромное жилище. Софья спросила об этом у своих родителей, но те не смогли дать ей вразумительный ответ. Теперь Серафима нуждалась в Софье, но Софья ее не подвела, их дружба стала еще крепче. Девушки выросли, в четырнадцать лет они выглядели великолепно и обе поступили в пансион. Началась война четырнадцатого года. Вот тут Софья узнала, что человек смертен. Через два месяца после начала войны, погиб средний брат. Румянцевы никогда не кланялись пулям. Семен Румянцев поднял свою роту в атаку и погиб как герой.

Так ушел из жизни еще один человек долга. Русский столбовой дворянин, офицер и Георгиевский кавалер. Он выполнил главную привилегию русского дворянина, он первым пошел и умер за свою Родину. Слава русскому дворянству

Через полгода был убит и младший брат. Нет, он не кинулся в атаку, он, просто не отступил, не побежал с поля сражения. Смерть принял в своем окопе.

Так ушел из жизни еще один человек долга. Русский столбовой дворянин, офицер и Георгиевский кавалер. Он выполнил главную привилегию русского дворянина, он первым пошел и умер за свою Родину. Слава русскому дворянству.

Теперь на войну отправился и старший брат. Он не был военным, он был карьерным дипломатом, но за братьев и Родину, должен, же кто-то идти и воевать. Александр мог избежать мобилизации, но уважал бы он себя после отказа от воинской службы, вот в чем вопрос. Он потомственный дворянин, граф, будет сидеть в тылу, а за него будут воевать другие, да никогда в жизни, и он ушел на фронт. Через четыре месяца в «Русском инвалиде» был опубликован список погибших офицеров. Пятым по счету был указан Александр Румянцев.

Так ушел из жизни еще один человек долга. Русский столбовой дворянин. Он выполнил главную привилегию русского дворянина, он первым пошел и умер за свою Родину. Слава русскому дворянству.

На этом род графов Румянцевых прекратил свое существование. Старый граф рано или поздно умрет, а Софья выйдет замуж и сменит фамилию. И эти столбовые дворяне воспользовались главной привилегией русского дворянства. Они первыми пошли и погибли за свою Родину. Так

в течение года Софья из четвертого ребенка, превратилась в единственного. От баловня судьбы ничего не осталось. Свою судьбу она решила сама. Если замуж, то только за офицера. Детей буду рожать столько, сколько смогу, надо же кому-то Родину защищать. Софье шестнадцать. Первые выходы в свет. Её заметили сразу. Высокая, красивая, великолепно танцует, веселая и задорная. Ухаживания принимала спокойно, без трепета. Было несколько предложений руки и сердца, но все претенденты получили отказ. Даже Серафима удивилась.

– Соня, этот поручик бравый офицер, ты же сама говорила, что пойдешь за офицера. Так в чем дело?

– Ох, Сима, в том-то и дело, что бравый. А я хочу спокойного и земного. Что бы у него глаза горели, когда он смотрит на меня, а не на мою грудь. Я сама почувствую своего суженного, будь спокойна за меня.

Алексей Волков появился в жизни Софьи совершенно случайно. Они не могли встретиться друг с другом в быту. Алексей чуждался светских приемов, все его помыслы были о море и службе. Его в дом привел дядя, когда решил сделать визит к своему товарищу по полку и пришел в гости к отцу Софьи. Старик, после гибели сыновей здорово сдал, и он решил поддержать старого товарища, заодно, взял с собой своего племянника. Алексей не хотел идти в гости к генералу, он, попросту, его не знал, но на уговоры дяди согласился. Софью он увидел сразу, как только вошел в дом. Рядом

с ней находилась и Серафима, но на нее он даже не взглянул. Софья покраснела, хотя они и не сказали друг другу ни одного слова. Вот так два взгляда и судьба решена. Алексей несколько раз навещал Софью, но при встрече, постоянно молчал. Из него не возможно было выдавить ни слова. Серафима начала подтрунивать над ним, а он продолжал молчать. Впервые голос Алексея девушки услышали, примерно, через месяц знакомства.

– Милые дамы, меня не будет некоторое время в Петербурге, мой крейсер во главе эскадры уходит в поход. Так, что я не пропадаю. Война. Когда буду в увольнении, навещу вас.

Софья промолчала, а выручила подругу Серафима.

– Ну, слава Богу, а мы уже думали, что наш лейтенант немой. Одни охи и вздохи. Но мы с Софьей не можем понять, по кому это сохнет наш офицер? Мы же так можем и поссориться. Вы нам обоим нравитесь.

Тут Серафима съязвила. И так было всем понятно, кому Алексей отдает предпочтение.

– Что бы вас не обидеть девушки, вы обе прекрасны, но свое сердце я хочу отдать Софье.

Софья покраснела, но в ее глазах была огромная радость. Ей и без слов было все понятно. Алексей уехал.

VIII

Крейсер Алексея вышел в море. Немецкая и российская эскадры двигались параллельными курсами, но бое столкновения не было. Алексей был на хорошем счету у команди-

ра корабля. Он был великолепный штурман. Карту Балтики он знал назубок. Все фарватеры и все течения, каждую мель и розу ветров. Командир пользовался им, как энциклопедией. И на этот раз командир испросил у Алексея совета. У русских моряков в обиходе не принято было обращаться по звания, только по имени отчеству.

– Алексей Петрович, я думаю, сегодня немцы не предпримут атакующих действий, они ждут подкрепление, но мне так хочется подпортить им крови, жаль, наш главный калибр не достанет до них. Тут где-то должна быть мель, в милях десяти по курсу.

– Павел Сергеевич, вы угадали мои мысли. У меня есть идея, но я не решался вам ее предложить.

– Отчего же голубчик, я ведь не кусаюсь и дельные предложения принимаю. Это в адмиралтействе долго думают, а нам с вами негоже бояться, нам врага бить надо. Выкладывайте, чего у вас там.

– Тут банка песчаная есть небольшая, но крейсер мы не выманит из строя, побояться немцы строй нарушить. А идея вот в чем. Надо послать вперед линкор, пусть станет перед банкой и просигнализирует, что главная машина сломалась, хода нет, прошу помощи.

– Так в чем же идея?

– Все просто. Линкор на малых оборотах будет отходить в берегу. Командир немецкой эскадры прикажет какому-нибудь судну атаковать линкор. Он на всех парах погонится

за линкором и сядет на мель. Тут мы его и прихлопнем, как муху. Затея рискованная, может осадки немца и не хватить, но и тут наш линкор может спокойно уйти пассажирским фарватером, что в двух милях от берега. Немцы побоятся береговых батарей и в погоню не кинутся. Переговорите с адмиралом, он командует эскадрой, а я пока все это на карте нарисую.

Командир ушел к адмиралу, а Алексей проложил курс и дал письменные разъяснения своей идеи. Через полчаса на мостике появился командир в хорошем настроении.

– Адмирал дал добро, хоть и покочевряжился немного. Не хотел немцев раздражать. Мол, потом кинутся в драку. Я его и успокоил. Раз сейчас не кидаются, то и после не кинутся, если и кинутся, то без плана и ровного ряда, а это нам будет на руку, мы им по зубам и дадим. Мы на ветру стоим, у нас маневр есть. Спускай катер и на линкор иди. Вот тебе приказ по эскадре.

Все было выполнено, как и задумал Алексей. Немцы читать азбуку Морзе, тоже умеют. Линкор от семафорил. Сломалась главная машина. Требую помощи. Из-за немецкого крейсера выскочил на всех парах линкор и прямо пошел на мель. От первого залпа наш корабль увернулся, потом дал полный ход и ушел к берегу, под прикрытия береговых батарей. Немцы не сразу поняли, в чем дело. Раздался скрежет, и их линкор глубоко увяз в балтийском иле. Стоящий на приколе корабль легкая мишень для российских пушка-

рей. С нашего линкора увидели, что немец потерял ход, корабль развернулся и открыл огонь из всех калибров. Море охватило зарево. Потом было пущено еще несколько торпед, и немецкий линкор навсегда остался в водах Балтики. Немецкая эскадра не пошла на спасение своих моряков и около пятисот матросов и офицеров было взято в плен. На русской эскадре все ликовали. Адмирал лично поблагодарил Алексея.

– За ваш план вы будете представлены к награде, я думаю, Георгиевская лента в скором времени украсит ваш китель.

В течение месяца, больших боестолкновений не было. Небольшая перестрелка из главных калибров. Для Алексея приключения не окончились. Уже перед самым входом в Кронштадт, один из старших офицеров ударил матроса. Алексей не выдержал и отчитал капитана третьего ранга.

– Вы не имеете права рукоприкладствовать. Для этого есть взыскания. Мы не в семнадцатом веке живем. Нам с этим матросом завтра в бой идти. Кто вам потом спину прикроет?

– Да какое вы имеете право мне замечания делать? Что, сильно загордились лейтенант? Ваше дело курс прокладывать, а не учить меня. Я старший офицер корабля, это мое дело дисциплина на судне. А тут сопляк меня учить вздумал, я на вас взыскание наложу.

От таких слов Алексей вспылал и чуть не ударил офицера. Сдержался, иначе суд. Командир корабля не смог сгладить

скандал. У капитана третьего ранга родня в адмиралах и он подал рапорт на Алексея. Крейсер стал на якорь, и офицеры отправились на берег. Есть плохие минуты, а есть и прекрасное время. На берегу Алексея ждала Софья. Хорошая весть уже дошла до берега, а плохая сама добежит. Поначалу Софья скромно подошла к Алексею, а потом, вдруг обняла его за шею и поцеловала в щеку.

– Ты знаешь Алеша, я горда не за тебя, а за себя. Правильно я сделала, что отказала всем женихам. Я тебя ждала.

– Ох, Софьюшка моя, рано ты гордишься за меня, до наград еще далеко.

И Алексей рассказал Софье о происшествии на судне.

– Алексей, поехали к моему отцу, если понадобится он и к Николаю II на прием пойдет. Он заслуженный генерал, император примет его.

– А вот тут Софья, я тебя очень прошу, протекции мне не делай. Я русский офицер и за себя постоять смогу. Все будет хорошо. Не волнуйся. Поехали к тебе домой, там наверняка нас и Серафима ждет. Тебе уже семнадцать лет, шампанское то тебе пить можно?

– Можно Алеша, мне теперь все можно. Поехали.

Алексей и Софья появились у родителей с шампанским и цветами, там их ожидала Серафима. Ни родителям Софьи, ни Серафиме, Алексей о происшествии ни чего не рассказал. День прошел весело. Утром с вестовым Алексей получил приказ явиться в адмиралтейство. Ничего хорошего от этого

он не ждал. Там же и находился его командир корабля.

– Ух, Алеша, ничего хорошего от этого приема я не жду. Пошли к адмиралу. В обиду я тебя не дам. Пусть это мне будет стоять должности.

Они зашли в кабинет к адмиралу. Тот долго не рассуждал.

– Лейтенант Алексей Волков, вас представили к награде Георгиевского кавалера. Прощение подано на высочайшее имя. Теперь о плохом. Вы не имели права отчитывать старшего офицера на виду у матросов. Есть устав. Вы его знаете. Вас могли понизить в звании, но за вас вступился командир корабля, я согласен с его доводами. Вы переводитесь командиром вспомогательного корабля «Быстрый». Вот там и наводите свои порядки. Ничего говорить не надо, это приказ. Свободны оба.

Алексей со своим командиром вышли из кабинета.

– Послушайте Павел Сергеевич, да, что же это такое, какой там «Быстрый», это же корыто, пять человек экипажа. Труба дымит, за десять миль видно. Это насмешка надо мною.

– Не кипятись Алексей Петрович. Я тебя прекрасно понимаю. Ты там с месяц, другой, прослужишь, я тебя обратно заберу к себе и уже не штурманом, а старшим офицером. Лады.

– Хоть вы меня успокоили. Договорились.

– Я видел, у стенки тебя девушка красивая встречала, а ну кайся, что за девица.

– Это самая прекрасная девушка на свете. Я ее всю свою жизнь ждал. Софьей зовут.

– А фамилия у нее есть?

– Да, Румянцева.

– А не генерала ли Румянцева это дочка?

– Да, его.

– Так мы с генералом друзья товарищи. Поехали к нему. Старик переживает гибель сыновей, вот ты ему сыном и станешь.

– Рано об этом думать. Софья молода еще. Ей пансион окончить надо. Раньше лета и рассчитывать не на что.

– Алеша, да сколько-то ждать осталось, всего ничего. Бери извозчика, поехали к генералу, по дороге и цветы купим.

В доме генерала их приняли радушно. Софья покраснела, Алексей, почти Георгиевский кавалер, и тот как мальчик краснел. А вот старые товарищи беседовали с удовольствием. Серафимы сегодня у Софьи не оказалось, и они ушли в другую комнату и там впервые остались наедине.

– Все прошло благополучно Софья, теперь я командир корабля. Он маленький, но мой. У меня уже и куча идей по этому поводу в голове крутятся. Все будет хорошо. Как ты у меня появилась, моя жизнь круто изменилась. Я люблю тебя Софья. Идет война, и меня могут убить, как и любого другого солдата. Я подожду, пока ты окончишь свой пансион, потом и будем решать нашу судьбу. Ты свободна от всех обязательств.

– Алеша, кроме тебя мне ни кто не нужен. У меня есть ты, и я буду ждать тебя. Я раньше была избалованной девчонкой, но вот Серафима меня направила на путь истинный. Я другая. Я люблю тебя.

Алексей обнял Софью, и они впервые поцеловались. Долгий, долгий был их поцелуй. Они долго искали друг друга, они нашли друг друга. Браки создаются на Небесах, теперь они это точно знали.

Павел Сергеевич и Алексей распрощались с хозяевами, и вышли на улицу. Алексея распирали идеи по своему кораблю.

– Командир, у меня тут в голове идея есть. Почему бы мое судно не переоборудовать в торпедный катер. Установим две торпедные установки, и будет в России первый торпедоносец.

– Против кого ты с таким ходом воевать-то будешь Алеша? Сам же сказал, корыто и дым виден за десять миль. Тебя утопят как котенка. Запаса хода торпеды не хватит.

– Я и об этом подумал. Паровой котел убрать надо, и заменить его надо, на дизельную машину. Поступают же к нам французские дизеля, жаль, немецкий взять не можем.

– Эко ты куда махнул. Да, кто с тобой разговаривать на эту тему будет? Ты что министр? Лейтенант. Каждый сверчок, должен знать свой шесток. Хотя идея и интересная. Давай поступим так. Ты со своей идеей обратись к нашему механику, капитан-лейтенант дока в механизмах и с головой

у него все в порядке. Университет окончил. А я на днях зайду к контр-адмиралу, когда у тебя будет полностью план готов. Он не ретроград. Если идея стоящая, он поддержит. А его поддержка дорогого стоит. Все, расходимся, меня же-на дома ждет.

Командир пошел домой, а Алексей отправился к старшему механику крейсера. Капитан-лейтенант Ермолаев собирался ужинать.

– Заходи Алексей и к столу присаживайся, сейчас ужинать будем.

– Да, я, собственно на минутку зашел, посоветоваться хочу.

– Знаю я твою минутку. Раз решил зайти, значит у тебя серьезное дело. Давай поужинаем, потом и будем разговаривать.

Ужинали не долго, потом перешли в кабинет.

– Закуривай Алексей и рассказывай, чего ты там придумал, ты же без этого не можешь.

– Тут такое дело, Василий Степанович. Меня на повышение выдвинули. Буду командиром корабля «Быстрый», сам себе хозяин.

– Хорошенькое повышение, с крейсера, на такую колымагу командиром назначили. Быстрым он был, лет пятнадцать, двадцать назад, а теперь, форменное корыто. Хотя, ты правильно отчитал старшего офицера. Сволочь он, плохо кончит.

– Да, я не в обиде, Василий Степанович. И на «Быстром» воевать можно, у меня идея есть, и командир посоветовал к вам обратиться. А, что, если на «Быстрый» дизельную машину поставить и переоборудовать его под торпедоносец. На паровом котле, мне не угнаться за немецкими кораблями, а с дизелем мы их быстро одолеем.

– Идея хорошая. Не знаю, поддержат ли тебя в адмиралтействе, а я полностью за эту идею. Корабль этот нашей постройки, его толковый инженер проектировал, но не все рассчитал. При полной загрузке угля, корабль идет по волнам как утюг, а вот, когда трюмы пустые, он, действительно быстрый, лихо ходит по морю. У меня есть все данные по «Быстрому», ты ступай домой Алеша, говорят у тебя невеста красавица, а я займусь расчетами силовой установки, люблю я это делать. Настоящая работа, не то, что в паровом котле ковыряться. Думаю, за неделю справлюсь с твоим заданием. Как будет все готово, я тебе сообщу.

– Да, я ни куда не тороплюсь. У невесты был только, потом к тебе пошел. Но не буду тебе мешать. Завтра вступлю в командование кораблем. Наведу там флотский порядок.

Утром Алексей был на своем корабле, познакомился с командой. Все его подчиненные были бывалыми моряками, которых отправили на этот корабль доживать до пенсии. Наступала зима семнадцатого года.

Все расчеты по кораблю у Алексея были готовы, и он с командиром крейсера отправился в адмиралтейство, на се-

годня было назначено слушание дела по рапорту Алексея. К адмиралу были приглашены специалисты, которые были должны дать рекомендации, стоит или не стоит игра свеч. Много было споров. Одни одобряли проект, другие с ним не соглашались, но на счастье Алексея, к адмиралу был приглашен и главный конструктор «Быстрого». Он и выручил Алексея.

– Толковую идею предложил лейтенант. С хорошей силовой установкой, корабль выйдет на запланированную скорость, я его так и конструировал, жаль, в то время дизелей не было. А корпус выдержит, волноваться не надо. Дизель поставим на подушку, укрепим рангоуты, добавим переборку и сместим центр тяжести и побежит «Быстрый» пуще прежнего. Вот я тут все начертил и рассчитал. Полностью согласен с расчетами капитан-лейтенанта. Надо корабль в док ставить и переоборудовать под торпедоносец. За зиму управимся, а весной наш «Быстрый», ух и много крови попьет у немцев. Кроме двух торпедных аппаратов, «Быстрый» и мины сможет ставить. Универсальный корабль получится. Только, вы это дело споро решайте, а если будете казенные бумаги посылать, то и за год не справитесь. Совещание окончилось, решение вопроса осталось за адмиралом. Но Алексею везло, любовь окрыляет. Через некоторое время его вызвали в ставку главнокомандующего и тихо и скромно наградили Георгиевским крестом. Награждение проводил лично Император Николай II.

– Поздравляю Вас лейтенант. Вы достойный офицер флота, начал Николай П. Я ознакомился с вашим рапортом по переоборудованию корабля, дал полное одобрение. Деньги уже выделены. Служите, а с неприятностями вашими, мы разберемся.

И пожал Алексею руку.

Теперь Алексей днями и ночами находился возле своего корабля, лишь иногда покидал док, что бы встретиться с Софьей. Когда человек занят любимым делом, время бежит быстро. К весне корабль Алексея был готов полностью. Как только бухта немного освободилась ото льда, корабль спустили на воду. Бутылку шампанского Алексей разбил о борт корабля, но, ни каких торжеств не было. Алексей набрал себе новую команду, хотя боцмана оставил прежнего. Тот великолепно знал свое дело, а главное, он знал Балтику, как свои пять пальцев, а это дорогого стоит. Когда боцман вступил ногой на корабль, он оглядел его и задал всего один вопрос.

– Все сделано аккуратно и хорошо. Придраться не к чему. Но вот я, ни как не могу взять в толк, зачем перед рулевой рубкой поставлено крепление для мачты? Мы же под парусами ходить не собираемся.

– Маркович, всему свое время, начал Алексей. Все узнаешь, когда время придет. Так задумано. Маскировка это. Отправимся на серьезное дело, все увидишь.

За время ремонта корабля Алексей узнал свой двигатель в совершенстве, но и подобрал себе двух толковых

мотористов. Начались недолгие ходовые испытания. Теперь с «Быстрым» в скорости не мог соперничать ни один катер и ни одно боевое судно. Как только льды отодвинулись дальше в море, Алексей несколько раз выходил в море, для установки донных мин. Балтийские моряки готовились дать генеральное сражение немецкой армаде. Алексей был счастлив, теперь оставалось сделать предложение руки и сердца Софье и после ее согласия, а в этом он не сомневался, обвенчаться с ней. Вот так он и познакомился с Федором.

IX

Федор и Георгий вместе готовились к весенним экзаменам, которые они успешно и сдали, перейдя на следующий курс. К удивлению многих преподавателей Георгий пересдал экзамен по французскому языку и сделал это отлично, тут и Дарья постаралась. Их ждала морская практика, но такой не получилось. Шла война, свободных кораблей не было, а без плавательного ценза нечего и думать об офицерских погонах. Федор уговорил Алексея и тот брал двух друзей для постановки мин. Небольшой плавательный ценз Федор с Георгием получили. Федор все больше сближался с Серафимой, они проводили вместе все свое свободное время. Война войной, а молодость берет свое.

Началась подготовка к свадьбе Алексея и Софьи. Серафима постоянно была со своей подругой. Это она придумала свадебный наряд для Софьи. К фате была приделана огромная белая шляпка и Софья выглядела восхитительно.

Одев невесту, Серафима отправилась к себе домой, что бы переодеться. В квартире ее ждал Федор в парадном мундире и с большим букетом цветов.

– Серафима, ты еще не готова, а нам через час надо быть в церкви, я же, как и ты, свидетели на свадьбе, нам опаздывать нельзя.

– Не волнуйся Федор, я быстро переоденусь. У меня все готово. Ты зайди пока к моей маме, она поговорить с тобой хочет.

Федор постучал в комнату матери Серафимы.

– Сударыня, вы хотели видеть меня?

– Заходи Федор Николаевич. Да, мне надо с вами поговорить. Вы очень часто встречаетесь с Серафимой, у меня нет секретов с дочерью, она мне все докладывает о ваших встречах. Тут вот какое дело. Вы уже знаете, что Серафима помолвлена с бароном и я в растерянности, что мне делать. Барон сейчас в Берлине и не скоро появится здесь в Петербурге, но слово, данное ее отцом, остается в силе. Мы люди чести и не можем поступить иначе. Я вижу, как у вас Федор Николаевич глаза горят, глядя на мою дочку, и я вас очень прошу, не делайте в ближайшее время ей предложение. Давайте подождем. Время нас рассудит. Симона еще молода, ей только семнадцать исполнилось. Один год не решает проблем. Вы умны Федор и меня прекрасно поймете. Против вас я не имею ничего, что бы быть против вашего брака с Симонной. Ваш дворянский род один из самых старинных в России

и любая девица с радостью пойдет за вас, будь-то княжна, графиня или баронесса. Вот все, что я хотела вам сказать. Без обид Федор Николаевич. Договорились?

– Мне понятны ваши волнения баронесса. В любом случае, раньше чем, через полтора года я не могу сделать предложение вашей дочери. Гардемаринам запрещено жениться по уставу. Мне нужно окончить последний курс корпуса, затем у меня будет плавпрактика, после чего мы и примем с вами решение. Я так же человек чести, и вы можете спокойно отпускать свою дочку со мной. Обещаю вам, ни один волосок не упадет с головы Серафимы.

– Вот и славно Федор Николаевич. Я ни секунды не сомневалась в вас.

В комнату забежала Серафима. Она блистала в своем голубом платье.

– Все Федор, я готова. Можем отправляться в церковь, и она взяла Федора под руку.

– Подожди дочка, твой гардероб не закончен, подойди ко мне.

Баронесса из комода достала шкатулку.

– Вот Симона надень колье и серьги, это, то небольшое, что у нас осталось из украшений.

Бриллиантовое колье и серьги подчеркнули красоту Серафимы, теперь от нее нельзя было глаз отвести. Федор и так был по уши влюблен в нее, но в это время он ощутил себя самым счастливым человеком на свете. За такую девушку он

готов был и на смерть пойти.

Они вышли на улицу. У парадного их ждала коляска, которую Федор заблаговременно нанял для поездки. Они поехали в церковь.

– О чем вы там с матушкой беседовали?

– Ох, Сима, не претворяйся, ты и так все знаешь.

– Я только догадываюсь, что обо мне говорили.

– Твои догадки верны. Все нормально. Мы с Ангелиной Карловной нашли общий язык. Волноваться не надо. Я только не понял, почему она тебя называет Симоной?

– Ах, это просто. Меня отец так назвал. Но я православная и в святцах нет такого имени, вот меня, и нарекли Серафимой в церкви. Мне это имя больше нравится. Симона слишком напыщенно. Симона Осиповна, совершенно не звучит. Ладно, хватит об этом. Ты сейчас увидишь Софью и сразу же влюбишься в нее. Она восхитительна, я так завидую ее красоте.

– Завидовать не надо, ты сама прекрасна. И влюбиться в нее я не смогу, я уже люблю другую девушку.

Тут Серафима посмотрела лукаво на Федора.

– И кто же эта девушка, я ее знаю?

– Не претворяйся. Ты же все сама знаешь.

– Но ты мне, ни разу в любви не признался, как я могу знать об этом?

– Ты еще мала слишком. Вот исполнится тебе восемнадцать, тогда и признаюсь. Расти еще егоза.

Так они и подкатили к маленькой офицерской церквушки. Алексей в своем парадном мундире с Георгиевской лентой и Софья в белом подвенечном платье выглядели великолепно. Достойная пара. Людей было не много. Алексей, в силу своего характера, не мог похвастаться большим количеством друзей. Очень скромный офицер. Умница и трудолюбивый. Родители его умерли давно, хоть он и был отпрыском знатной фамилии, но всего добился сам в жизни, большие деньги за ним не стояли и не толкали его вперед. Бывший его командир крейсера с несколькими офицерами и вся его команда корабля. Он не мог их не пригласить на свадьбу, хоть они и не были офицерами. Экипаж маленький, но очень дружный. Два минных матроса, два моториста, два рулевых и боцман, вот и весь боевой состав. Но боцман геройский. Три солдатских Георгия, Алексей не знал о наградах боцмана и был доволен тем, что оставил его у себя, не поменял на молодого. Ни кто из них еще не знал, что в скором времени боцман станет полным Георгиевским кавалером и войдет в когорту самых знаменитых матросов России. Со стороны невесты было больше приглашенных. Родители Софьи были графами и живы. Обряд венчания прошел по уставу. Серафима попыталась поймать букет невесты, но к ее сожалению, это у нее не получилось. Букет достался другой девушке.

Алексей не мог себе позволить свадьбу в дорогом зале, его имение не было большим, а жалованье офицера он ни когда не получал. Не мог себе позволить российский дворянин

покусится на государеву казну, когда он имел свое имение. Свой Георгиевский крест он оплатил на Петербургском монетном дворе. Вот такого нрава был Алексей. Теплым осенним днем свадьба проходила на небольшой петербургской площадке. Как и положено пили за молодых и кричали горько. В этом усердствовал экипаж Алексея. Их, хоть и посадили за отдельный стол, не почину им было сидеть за общим столом, но в том у них обиды не было, шел тысяча девятьсот семнадцатый год. Выпили и за Веру, Царя и Отечество. Серафима счастливая кружилась в вальсе с Федором, когда прозвучал тост, свидетелям горько. Это веселилась Софья, она специально попросила команду Алексея прокричать этот тост. Федор с Серафимой еще ни разу не целовались, только теплые рукопожатия скрепляли их любовь. Серафима покраснела. Она не знала как себя вести в этом случае. Да, она долгими ночами мечтала, как будет целоваться с любимым, но как это сделать на людях, она себе не представляла. Но ее озорной характер нашел выход. Серафима чмокнула Федора в щеку и убежала на террасу.

Тем временем командир крейсера позвал к себе Алексея.

– Вот, что Алеша, голубчик ты мой. Завтра эскадра снимается с якоря. У тебя есть неделя на медовый месяц. Ты ее заслужил и поработал на славу. Весь залив минами перегородил. Немцы тебя не видели, не дымит твой корабль, значит, и не знают где мины стоят, могут, только догадываться. Мы

уходим под руководством контр-адмирала, он будет на моем крейсере квартировать. Вот он и просил тебе передать. Тебе, пока, делать нечего с нами. Мы выйдем в море, станем в боевой порядок и будем ждать немецкую армаду. По нашим сведениям, они хотят покончить с нами навсегда и занять Кронштадт. А оттуда и рукой до Питера подать. Возглавляет их эскадру новейший броненосец, только весной спущенный на воду со стапелей Гамбурга. Их пушечное вооружение гораздо сильнее нашего. Ох, и достанется же нам. Но мы, никого не пропустим. Умрем все, но врага остановим, я в это свято верю. Приказ об отступлении я не выполню, ни смотря, ни на кого и ни на чье распоряжение, а про сдачу, ты, сам прекрасно понимаешь, и речи быть не может. Все командиры кораблей едины в этом мнении, контр-адмирал поддержал нас. Хотя, старик и не уверен, приказ об отступлении может поступить. Но, тогда нам все одно крышка. Запрут в проливе и будут обрабатывать их дальней артиллерии. Если флоту балтийскому конец, то и Петербургу будет конец, а мы этого допустить не можем. В общем, догуливай недельку и присоединишься к нам. Догонишь, у тебя ход хороший. Я, правда, не знаю, чем ты сможешь нам помочь, но как вспомогательное судно пригодишься. Так, что, я покидаю вашу свадьбу со своими офицерами. Завтра в поход

– Как же так Павел Сергеевич, эскадра уйдет, а я на неделю останусь. Да, я в глаза офицерам посмотреть не смогу, скажут, что за бабью юбку спрятался.

– Не кипятись Алеша, ни кто этого не скажет. Свадьба у тебя, тем более, через неделю ты присоединишься к нам.

– Я так не могу. Если все в поход, то мое место рядом с вами.

– А как же невеста? Что ей-то скажешь?

– Софья уже не невеста, а жена офицера. Она поймет все, я это точно знаю. Софья настоящая офицерская жена.

– Поступай, как велит тебе совесть. Ты достойный офицер и честь имеешь.

Командир крейсера и его офицеры уехали. Свадьба продолжалась, но не долго. Гости стали расходиться. Война и все это прекрасно понимали. Федор собирался проводить Серафиму домой, когда его позвал к себе Алексей.

– Вот, что Федор. Я завтра уйду в море. Софью оставляю на тебя и Серафиму. Думаю, что для меня это будет прогулкой, весь удар на себя примут большие корабли, но мало ли чего в жизни бывает. Если, что, то поддержите Софью. На всякий случай я напишу тебе письмо и пришлю его перед своим отходом в море. Если меня убьют, отдашь его Софье.

– Да, ты, что такое говоришь, какое там убьют. Даже слушать не хочу. Придешь из похода и все сам ей скажешь.

– Федор, война идет и каждый из нас может погибнуть. Иди к своей Серафиме, видишь, как у нее глаза горят, любит она тебя. Глаза любви я теперь хорошо знаю, меня не проведешь. Славная девушка, счастья тебе с ней.

Все разъехались. Федор не мог себе позволить держать

экипаж все это время. У отца он лишних денег не просил и жил малым. Они немного прошлись по набережной Невы. Был теплый осенний вечер. Перед мостом влюбленных Федор обнял Серафиму за плечо.

– Нам на свадьбе крикнули горько, а ты только чмокнула меня в щеку, я должен отдать тебе долг.

Серафима промолчала, она, только, взглянула своими лукавыми глазами в глаза Федора. Федор все сразу понял. Можно. Они крепко сомкнули свои губы в долгом поцелуе. Вот так Федор и Серафима впервые поцеловались на берегу Невы. Федор поднял руку и сразу к нему подъехал извозчик. Они уселись в коляску и поехали к Серафиме домой, смотря друг на друга влюбленными глазами, и держа друг друга за руки. Большого они позволить себе не имели права. Другое время, другие нравы. Подъезжая к дому Серафимы, Федор сказал ей.

– Ты спрашивала меня, о чем я говорил с твоей матушкой. Так вот Симона, я ей пообещал, что через полтора года сделаю тебе предложение. Она обещала подумать над этим.

– А почему ты меня Симоной назвал?

– Так мы с твоей матерью о Симоне и говорили, пошутил Федор. Все приехали. Домой заходить к тебе не буду, мне в экипаж надо. Подожду, пока ты не поднимешься к себе домой и не помашешь мне ручкой из окна.

Серафима, опять чмокнула Федора в щеку, пока ни кто не видел этого, и побежала к себе в дом. Федор был счастлив,

когда увидел Серафиму в окне с платочком в руке. Жизнь была прекрасна, и он поехал в экипаж. Там его ожидал Георгий.

– Зобс ты мой милый, как я счастлив. Я сегодня впервые поцеловал Серафиму. Как это прекрасно быть влюбленным, я, даже, не представлял себе этого.

– Ну, конечно, тебе хорошо. А вот друг твой страдает. Я в Дарью влюблен, а поцеловать ее не имею права, мала еще.

– Не такая уж она и маленькая, ей скоро шестнадцать лет. Годик подожди, а потом и целуйтесь на здоровье. Но как ты с ней целоваться-то будешь, она, же выше тебя ростом? Не носить же тебе с собой табурет.

– Издеваешься, да? Я еще подростку, на турнике стал вытягиваться, за месяц на один сантиметр вырос.

– Георгий, тут сантиметра мало, тут надо десять сантиметров тебе добавить, что бы ты смог достать до ее губ. Хотя, если ты говоришь, что за месяц на один сантиметр увеличился, то, как раз через год Дарья в пору тебе и будет. Но, что скажут твои родители. Деревенскую девку в дом хочешь привести.

– А мне все равно, я люблю ее и не такая уж она и деревенская. Смотри, какое у неё воспитание. Спасибо твоей матушке Елизавете Стефановне. Даже, если твой отец и не удочерит ее, то мои родители примут ее, я уже отписал им в Париж. Жду ответ.

– Не поторопился ли ты мой друг? Много еще ты встре-

тишь прекрасных девушек в своей жизни.

– Ты вон, такой вопрос себе не ставишь, зачем меня спрашиваешь об этом.

– Ладно, дружище, давай укладываться спать. Завтра эскадра уходит в море. Занятия перенесли на вечер. Пойдем провожать наш флот.

Алексей Софью в свою квартиру внес на руках. Он целовал ей руки и ноги. Признавался в любви. Зачем торопиться, любимая рядом и у них вся жизнь впереди. Долгая, долгая. В своем подвенечном платье Софья была прекрасна, но без платья она оказалась еще краше. Ослепительно белая кожа, высокая красивая грудь. На Софьином теле не было места, куда бы ни поцеловал ее Алексей. Любовь их была пылки и долга. Светало. Только любящая жена может угадать и понять мысли своего мужа.

– Алеша, любимый, что-то твое лицо грустное стало. Нам радоваться надо. Скажи мне, что тебя мучает. Мы же с тобой одно целое.

– Да Софьюшка, ты все поняла родная. Сегодня эскадра уходит в море. Мне дали отсрочку на неделю.

– Не говори дальше, я все поняла. Ты не можешь себе этого позволить. Я офицерская жена, сама для себя выбрала эту стезю. Я могла бы выйти замуж за вельможу и укатить в свадебное путешествие, но я выбрала тебя, офицера флота и горжусь этим. Не буду удерживать тебя возле себя. У нас вся жизнь впереди, успеем еще пожить в любви и радости.

Надо, значит надо. Я на берегу буду ждать своего моряка. Такая наша участь женская. Знаем, на что идем. Я тебя сама соберу в поход, пора привыкать к этому.

У Алексея глаза стали мокрыми. Он знал, что Софья поймет его, но он не предполагал себе, что эта графинюшка, в общем-то, избалованная девушка, вот так сразу и бесповоротно примет его сторону. Без плача и слез. Откуда, из каких глубин души она все это открыла для себя? Он понял, что дворянство для нее не титул, а образ мышления, генетически заложенный в русскую душу. Он гордился своим выбором. Он встретил настоящего человека. Он и раньше был готов на все, ради Софьи, но теперь он был в двойне горд и за себя и за неё. Он ее обнял, в ответ получил горячий поцелуй. У них было еще время полюбить друг друга, что они и сделали с огромной пылкостью. Они еще не знали, что это их последняя любовь. Последняя ночь любви для Алексея, первая и последняя ночь любви для Софьи.

Когда Алексей прибыл к причалу, провожающих эскадру уже, почти не было. Матросы со вчерашнего дня находились на своих кораблях с дежурными офицерами, а офицеров по кораблям стали развозить с раннего утра. Эскадра стояла на рейде и ждала сигнала об отплытии. У стенки стоял корабль Алексея. Весь его экипаж выстроился на юте. Алексей подошел к Федору.

– Пусть наши дамы немного посеCRETничают, а ты мне нужен на пару слов. Вот тебе письмо для Софьи, ели успел на-

писать. Сделаешь все, как условились. Ну, все, давай прощаться. Приду из похода и заберу тебя к себе на практику. У нас не хуже, чем на крейсере и Георгия тебе обещаю. Мы такие. Нам все ордена нужны, хотя мы и не из-за них служим Богу, Царю и Отечеству. Но раз мы лучшие, то и награды должны быть у нас лучшие.

Двое мужчин крепко обнялись. Еще недавно, они друг друга не знали, а теперь их дружба была на всю жизнь, на всю короткую жизнь Алексея. Софья не рыдала, хотя, слезы и покатились из ее глаз. Серафима поцеловала Алексея в щеку и перекрестила его. Софья сомкнула свой долгий и последний в жизни поцелуй. Больше она ни кого и ни когда не поцелует в своей жизни. Судьба.

Алексей подошел к своему судну. С трапа спустился боцман и строевым шагом под козырек подошел к Алексею.

– Ваше благородие, господин лейтенант. Команда в полном составе построена. Корабль готов к походу.

Так браво боцман ни когда не рапортовал. На его повседневной морской робе сверкали три Георгиевских креста, чего раньше ни когда не было. Алексей ступил на трап. Боцман, командным голосом произнес, смирно. Алексей взял под козырек и вошел на судно с командой, вольно и отдать швартовый. С кнехта сняли кормовой и носовой концы, и корабль отошел от берега.

Теперь, только, Софья расплакалась на груди у Серафимы.

– Я его отпустила от себя, я не имела права его задерживать. Пусть Федор едет к себе в экипаж, а ты Сима оставайся. Поехали ко мне домой. Я тебе покажу свой новый дом. Квартирка маленькая, и ни какой прислуги. Все теперь буду делать сама, и ждать мужа. Я теперь мужняя жена.

Эскадра подошла к месту своей дислокации и легла в дрейф. Их ждало не легкое сражение и теперь все зависело от выучки офицеров и матросов. Как будут вести стрельбы, такая и участь их ждет. Со дня на день, должна была подойти немецкая эскадра. Нужно было найти оптимальное место для сражения и первым нанести урон противнику. Силы были, явно, не равны. Алексей подошел к флагманскому крейсеру и дал семафор.

– Прошу принять меня. Командир корабля, лейтенант Волков.

В ответ было дано добро. По штормтрапу Алексей поднялся на крейсер. Его провели в каюту адмирала, где рядом с адмиралом сидел и командир крейсера. Он и начал разговор.

– Что у вас Алексей Петрович? Вы просто так не будете отвлекать адмирала, я вас прекрасно знаю.

– Разрешите говорить господин адмирал?

– Алексей Петрович присаживайся и говори без церемоний.

– Есть у меня одна задумка. Я ночью хочу уйти влево до минных полей, миль двадцать отсюда. Там и буду ждать

немецкую флотилию. От меня тут толка мало. Их дымы я замечу заблаговременно, не пропущу. Буду держаться от них поодаль, в нескольких милях. Начнется сражение, я и подкрадусь незамеченным к их флагману и ударю своими торпедами по нему, утопить я вряд ли смогу его, а вот урон нанести серьезный можно. Без этого броненосца наши шансы уравниются.

Адмирал надолго задумался.

– Идея хорошая, сказал он, но справитесь ли вы с ней, вот в чем вопрос. Давайте сделаем так. Вы с капитаном первого ранга отправляйтесь к нему и продумайте план до конца, потом мне и доложите, а мне сейчас о другом подумать надо, как провести генеральное сражение. Завтра сбор всех командиров кораблей, я им должен правильно поставить задачу. Вы свободны.

Алексей с командиром крейсера ушли в его каюту.

– Действительно, Алексей Петрович, идея не плохая. Нам бы прищучить их флагман, считай, полдела сделано. А если на собственных минах подорвешься, чего делать-то будешь?

– Не должен я подорваться. Мины эти я ставил сам и знаю, где каждая лежит. И осадка у меня маленькая. Не достану я до них. Магнитные мины на меня не среагируют, масса не та, они минимум на линкор заряжены, чего им под моим днищем взрываться. Ну, а если подорвусь, все под Богом ходим, то и потеря не велика, семь человек команды и пароходиш-

ко старенький, новый, после победы сделаете. А удастся мой план, то и дело большое сделаем.

– Погоды-то стоят отменные. Видать далеко, на сто миль вперед. Коль заметят они тебя, не уйдешь, расстреляют из пушек. Жалко мне тебя Алеша.

– И тут не волнуйтесь Павел Сергеевич. Вы, что думаете, я зря всю зиму проболтался в доке, пока мой корабль ремонтировали. Пушку-то я не зря убрал, я замаскируюсь под рыболовецкое судно, мачту поставлю и парус не большой. Кливером управлять легко, буду лавировать возле минных полей и немцев ждать, так и горючее сэкономлю. В общем, я все уже продумал, как кораблю полную маскировку дать. Эх, жаль, радио у меня нет, так бы перед атакой упредил бы вас.

– Да, плохо мы еще оснащены, с азбукой Морзе воевать сложнее. Вот, что Алеша, добро ты от меня получил, считай и адмирал согласен. И я кое-чего придумал. Начнется бой, ты сразу в огонь не лезь. Выждидай. Наша и их эскадры будут вести перестрелку из главных калибров, и лавировать в море, как настанет удобный момент, я со своим крейсером выйду вперед, как бы, вызывая, их флагман на дуэль, адмирала отправлю на другой крейсер, они примут ее, тут и к гадалке ходить не надо. У них орудийной мощи больше, подумают, что легкая прогулка предстоит им, вот тут Алеша, ты со своим планом и вступишь в бой. Жми на всех парах, или, как там у тебя, на всех дизелях, проведешь торпедную атаку и уходи к нашим, они тебя прикроют огнем, я распоряжусь

об этом. Только попади в немецкий крейсер, не дай пропасть моему кораблю. Я за себя не боюсь, пожил уже. Адмиралом мне не быть никогда, не кланялся я начальству и командиром крейсера заслуженно стал. Выше капитана первого ранга я все одно не стану, так на пенсию и уйду, если ты сгинуть не дашь. Я за команду беспокоюсь. Две с половиной тысячи живых русских душ, вот им не дай пропасть. Попадешь в цель, вот тогда-то я с ним и разберусь по полной программе, мои пушкари промаху не дадут. Все, иди на свой корабль, подойди к плавбазе и запасись чем надо, адмирал распорядится. Вечером, когда темнеть начнет, уходи в море. Ни кому, ни чего говорить не надо. Среди русских моряков предателей нет, но, как говорится, береженого, Бог бережет. Оставим наш план, пока, тайной. Все, свободен лейтенант.

Они крепко пожали друг другу руки, и Алексей покинул крейсер. На свой корабль, он вернулся в хорошем распорядке души.

– Так боцман, свистать всех наверх, задание перед командой излагать буду.

Небольшая команда корабля быстро собралась на юте.

– Вот, что мои дорогие ребята, я вам сказать хочу. Перед нашим кораблем командованием поставлена боевая задача, и мы ее выполним, чего нам бы это не стоило. Вводную дам на месте, когда прибудем. Теперь же, отправляемся к плавбазе. Сдать все мины, они нам не пригодятся на этот раз, оставить только две торпеды, пойдем налегке, баки заполнить со-

ляром до отказа. В двадцать ноль, ноль уходим от эскадры.

К месту ожидания немецкой эскадры они шли на малых оборотах, торопиться было не куда. На рассвете подошли к минным полям. Алексей команду собрал в кубрике, в нем было тесно, но, зато можно было всем присесть.

Вот, что ребята, теперь я вам изложу план действий. Минный матрос Иванов.

Молодой парень вскочил с места.

– Я Ваше благородие.

– Не надо вставать, слушайте меня сидя, я вас для этого и в кубрик пригласил. Тебе особое задание. Не зря же ты у нас художник. Накрыть торпедные аппараты брезентом, а на брезенте лодки нарисуй. Делай, что хочешь, но со стороны, глядя в бинокль, немцы должны видеть лодку, а не торпедный аппарат. Пластырем заклеить название корабля и надпись сделать другую. «Быстрый» не подходит. Нужно рыбацкое название.

– Какое изволите название, Ваше благородие, написать.

– Ну, тюлька или краб, не подойдет, а вот салака, в самый раз. Быстрая рыбешка. Возьми себе двух помощников и ступай, выполняй задание.

– Все будет исполнено по высшему разряду. Мы как у Айвазовского все сделаем.

– Теперь боцман и тебе работа есть. Ты все время спрашивал, зачем я пушку с корабля снял и на ее место устройство для мачты соорудил, вот пришло время и понять, зачем я

это сделал. Пусть твои орлы из трюма достанут мачту и установят ее. Поставьте растяжки из тросов и натяните парус. Где парус лежит, ты знаешь. Жаль, маленький кливер у нас будет, я его с одной яхты снял, которая рядом с доком пришвартована была, но нам скорость не нужна, а только дрейф и маневр. Когда установите мачту, Андреевский флаг спустить, не надо нам раньше времени высовываться. Все, всем по рабочим местам.

Команда взялась за работу. Трудились все дружно и к вечеру управились. Торпедные аппараты были замаскированы. Трудно было понять с близкого расстояния, чего нарисовал матрос, но он клятвенно побожился, что в бинокль будет видна лодка. На двух бортах появилась новая надпись «Салака». Матросы и шутку придумали на эту тему. Мачту установили и растянули ее тросами. Тросы были хорошо натянуты и звенели как струны у гитары. Течением и ветром корабль отнесло в сторону, и Алексей попробовал парус. Дул не сильный боковой ветерок и корабль галсами пошел к месту ожидания эскадры. Так они патрулировали двое суток, вахта сменялась каждые четыре часа, все их взоры были устремлены в море с ожиданием дымов эскадры. Через сутки, ближе к обеду, Алексей в бинокль увидел ожидаемые дымы. Через некоторое время показалась и немецкая эскадра. Впереди шли два минных тральщика, затем линкор и легкие крейсера, потом появились и броненосцы. Почти в самом конце этой огромной армады, которая растянулась на мно-

гие мили, шел немецкий флагман. Сразу же бросалось в глаза, что немцы хорошо не знают фарватер и боятся минных полей. Корабль Алексея был замечен, это он понял, когда на него вышел один из линкоров. Алексей под парусом стал уходить в минные поля, но потом к нему пришла замечательная идея. Он матросов заставил танцевать на палубе. Минут пять страха и танцев, и линкор повернул на прежний курс. Видимо, «Салака» с его пьяными матросами, его не заинтересовала. Беда миновала их. Алексей направил свой корабль параллельным курсом с эскадрой. Когда они прошли минные поля, он включил дизель и ушел подальше от немецких кораблей. Вторую встречу с ним они бы ему уже не простили. Утром он был далеко от противника, только видел небольшое количество дымов от кораблей эскадры. Теперь оставалось ждать сражения. Через двое суток, на рассвете началась канонада. Сначала раскаты были не очень частыми, видимо пристреливались, потом, чаще и чаще, пока не послышался сплошной гул от взрывов снарядов. Время Алексея наступило. Он вышел из засады. На него не обращали внимания, скорее всего они его не замечали. Наш флагман вышел из-за линкора и всем огнем своих батарей накрыл немецкий легкий крейсер, тот накренился и начал погружаться в море. Наперерез нашему кораблю пошел немецкий броненосец. Действительно, корабль красавец, огромная машина. С его палубы прогремел залп, снаряды легли, не долетев до нашего корабля. Алексей прекрасно понял, наш флагман берут

на «вилку». Следующий залп, скорее всего, ляжет за кораблем, но, а третий..., тут Алексей и не хотел предполагать. Алексей был за штурвалом.

– Полный ход, сказал он в переговорную трубу. Самый полный ребята. Выжмите все, что вы можете из этого мотора, завтра он нам может и не понадобиться.

Боцман находился возле Алексея.

– Вот, что дорогой мой боцман. Вы мне не нужны на мостике. Давай дорогой, иди в машинное отделение и сделай все, что бы наш корабль ни плыл, а летел по волнам.

Боцман спустился в трюм. Тем временем на море шел бой. Третий залп накрыл наш флагман, несколько снарядов попало в цель. На помощь к нашему броненосцу вышел линкор, он здорово поставил заградительные дымы и закрыл собой флагман. Досталось линкору сильно, он накренился и загорелся. Алексей все это видел и шел к своей цели. Он знал, что ему делать и четко отдавал команды.

– Торпедной прислуге, снять брезенты с аппаратов. Торпеды товсь. Целиться в середину броненосца.

Корабль Алексея шел на полном ходу, приближаясь к броненосцу. Уже можно было пускать торпеды, но прозвучала сначала другая команда.

– Поднять Андреевский флаг.

Немцы поздно спохватились, когда одно из орудий стало разворачиваться в сторону «Быстрого». Прозвучала команда.

– Торпеды пли.

Когда Алексей увидел, по характерной дорожке, что торпеды пошли на цель, он резко развернул свой корабль вправо, это и спасло корабль от прямого попадания снаряда, пущенного с броненосца. Сначала прозвучал грохот, потом корабль накрыло волной. Было такое впечатление, что судно ушло под воду, но через несколько секунд корабль подбросило в воздух, над водой, словно щепку. Алексей выскочил из рубки, что бы помочь матросу не упасть за борт, тот держался обеими руками за леер, а тело его было над водой. В момент, когда он вытащил матроса на палубу, прозвучало два взрыва. Скорее всего, один, но очень долгий. Это, торпеды, пущенные Алексеем, точно поразили цель. Алексей оглянулся и его сердце затрепетало. Потом он услышал звон лопнувшей гитарной струны, это порвался трос, который удерживал мачту. Обрывок троса прошелся по животу Алексея. Китель был разрезан словно бритвой, на уровне живота и, что-то теплое и мягкое оказалось в руках Алексея. Алексей впервые увидел кишечник человека. Боль он не чувствовал. Сел на палубу и спиной прислонился к рулевой рубке. Боцман, когда поднялся на палубу, в такой позе застал Алексея и кинулся помогать ему.

– Отставить боцман. Держать курс на наш подбитый линкор. Надо спасти команду. Линкор сейчас затонет.

– А как же вы Алексей Петрович, вас срочно в лазарет доставить надо.

– Выполнять мои приказания. А в лазарет мне уже не надо. Пусть меня ребята перевяжут, может поживу еще немного.

Боцман взял курс на линкор, он почти весь ушел под воду. На воде плавало множество моряков. Алексея перевязали, и живот стянули рубахами. Теперь ему стало немного легче, но подняться он, все равно не мог. Так сидя на палубе и отдавал приказания.

– Всех матросов и офицеров поднять на борт.

А тем временем бой продолжался. Немецкий броненосец стал набирать воду. Торпеды легли ниже ватерлинии и броневой защиты. С каждой минутой ход его замедлялся. Вся русская эскадра обрушила на него свою огневую мощь. Бой продолжался до ночи. Потери немцев были ужасающими. Они потеряли восемь кораблей, против двух наших. Немецкий флагман, все же остался на плаву, но был серьезно искалечен и покалечен. Его прикрыли все корабли немецкой эскадры и начали отход, беспорядочно, отстреливаясь. По русской эскадре был отдан приказ немецкие корабли не преследовать. Да и не чем было преследовать. Досталось всем боевым кораблям. Когда «Быстрый» подходил в плавбазу, Алексей был еще жив. Его корабль был битком набит матросами с погибшего линкора. Алексея на руках матросы подняли на плавбазу, когда к нему подошел врач, он открыл глаза, но так и ничего и не сказал. Все сняли бескозырки. Сначала плавбаза подала длинный гудок и приспустила Андреевский

флаг, затем в темноте раздались протяжные гудки русской эскадры. Утром тело Алексея доставили на флагманский корабль. Его переодели в парадный мундир. На его груди была Георгиевская лента. Если бы бои продолжались, Алексея захоронили бы по морскому обычаю, отдав его тело морю, но эскадра пошла домой. Сражение было выиграно, теперь немцы не сунуться к нашим балтийским границам. Через два дня наши корабли зашли на рейд Кронштадта. Флагман стал на рейд первым. На его капитанском мостике находились адмирал и командир корабля.

– Ты уже сам командуй Павел Сергеевич, а я тихо постою возле тебя, сказал адмирал. Это твой офицер погиб, ты его воспитал, тебе и честь выпала, хотя и скорбная. Надо все сделать честь, по чести.

– Будет исполнено.

Командир начал отдавать приказы.

– Поднять сигнальные флаги, вернулись с победой.

За всем этим наблюдала огромная толпа людей собравшихся на причалах Кронштадта. Среди этих людей была и Софья с Серафимой.

– Снять с петель дверь из моей каюты, продолжал командовать командир. Положить на неё тело Лейтенанта Волкова.

Все было исполнено в миг. Тело Алексея водрузили на дверь от командирской каюты и на руках офицеры корабля понесли тело на нос крейсера, там было приготовлено место для тела, возле главного корабельного калибра.

– Приспустить Андреевский флаг.

Этот приказ выполнили все корабли эскадры. Зрители на причале были в недоумении. Так провожают в последний путь командующего эскадрой, но его золотые пагоны были видны на мостике крейсера. Ни кто не мог понять кто погиб на эскадре. Два буксира медленно подошли к флагману и стали его подтягивать к стенке. Софья увидела, что корабль Алексея стал приближаться к берегу, она обрадовалась, скоро она увидит своего мужа живым и невредимым. Она не успела налюбоваться с ним, всего одна ночь вдвоем, но теперь, он наверняка, получит отпуск, и они смогут наверстать упущенное время. С крейсера спустили концы и их намертво прикрепили к кнехтам причала, потом и «Быстрый» стал у стенки. Нашёлся рядом и всезнающий человек.

– Не понятно, какое имеет право минный катер стать впереди крейсера, сказал он.

Эти слова врезались в душу Софье. Она глазами искала Алексея, но он, почему-то не появлялся на мостике. Подали трап к крейсеру. На всю бухту громко прозвучало, это командир продолжал отдавать команды.

– Офицером и матросам взять на караул. Спустить тело лейтенанта Волкова на стенку. Оркестр! Прощание славянки.

Зазвучал марш.

– Головные уборы долой.

Когда тело Алексея спускали офицеры по трапу, Софья

все поняла, наверняка, она и не слышала, кому отдают эти почести, она поняла, что так могут провожать, только, ее мужа. Она еще хотела увидеть его на мостике «Быстрого», но раз там Алексея не оказалось, значит, это его выносят с крейсера. Предчувствия ее не обманули. Тело Алексея приняла его команда, сразу же, когда оно оказалось на берегу. Процессия двинулась к офицерской церкви. Софья потеряла сознание. Если бы не Серафима, Софью бы, просто, затоптали. Софья пришла в себя, когда ее усадили на стул в церкви, рядом с телом мужа. Хоронил Алексея весь военно-морской Петербург, а это добрая половина петербуржцев. Тело Алексея везли на орудийном лафете, а Софью на стуле несли, сменяя друг друга, матросы с погибшего линкора. Вряд ли Алексей остался жив, после такой травмы, но он отдал свой последний приказ, сначала спасти всех моряков затонувшего корабля, а, уж потом, спасти его жизнь. Все спасенные моряки знали об этом. Федор с Серафимой шли рядом. Серафима плакала, а вот Софья не проронила ни одной слезы. Ее глаза были огромные, красные и сухие. Возле могилы она подошла к гробу, поцеловала Алексея в губы, лоб, затем взяла его руку в свои ладони и поцеловала руку. Тело Алексея предали земле. Софья не слышала ни прощальных речей не музыки Шопена. Она смотрела в сторону моря и думала.

– Я горда за мужа и очень горда за себя. Я правильный сделала выбор в жизни. Если бы время вернуть назад, я бы точ-

но такой сделала выбор. Только Алексей, мой Алеша, другого мне мужа и не надо.

Так ушел из жизни еще один человек долга. Русский столбовой дворянин, офицер и Георгиевский кавалер. Он выполнил главную привилегию русского дворянина, он первым пошел и умер за свою Родину. Слава русскому дворянству.

Серафима переехала к Софье и несколько дней ухаживала за ней. Жизнь продолжается и после смерти любимого человека. Софья оставалась грустной, но постепенно начала есть понемногу, начала и разговаривать с Серафимой. Федор ждал удобного момента, когда отдать письмо, написанное Алексеем перед его походом. В скором времени он это и сделал. Софья вскрыла конверт.

– Дорогая моя и любимая Софьюшка. Если ты читаешь это письмо, значит я погиб, иначе Федор не отдал бы тебе его. Очень многое хочется тебе передать, но в письме этого не сделаешь. Я очень любил тебя. Ты моё счастье и моя жизнь. Прости меня, что так вышло, но ты сама избрала этот путь, выйдя замуж за офицера флота российского. Всю свою короткую жизнь я готовил себя для службы Отечеству, так меня научили мои родители. Но хватит обо мне, меня не вернешь. Ты очень красивая женщина. Молодая и здоровая. Прошу тебя, не надо хоронить себя заживо. Будет достойный человек, выходи за него замуж. Рожай детей. Родине еще понадобятся достойные люди. Обнимаю тебя, родная моя. Мы встретимся, там, на небесах и Господь даст нам еще

долго быть вместе. Больше нет времени. Мне надо уходить в море. Прощай. Твой Алексей.

Вот тут, наконец, у Софьи потекли слезы. Она не рыдала, просто, огромные капли падали из ее глаз на пол. Она обняла Серафиму, и они долго сидели обнявшись. Федор не мог смотреть на это зрелище, да, и чем он мог помочь Софье, слова ей были не нужны, он уехал к себе в экипаж.

Для гардемарин жизнь шла своим чередом. Учеба, учеба, учеба и коротенькие дни увольнительных. Ни чего интересного, не считая того, что страна двигалась к краху. Локомотив краха и разрухи набирал скорость. Двигался он без остановок. Зачем останавливаться, кто мешает движению, тот попадал под жернова железных колес поезда. Одна смерть, это трагедия, смерть миллионов, это уже статистика, так выразился впоследствии вождь всех времен и народов.

Х

Прошло совсем немного времени, после смерти Алексея Волкова, а было такое впечатление, что прошла вечность. Петроград бурлил. На площадях шли митинги. Сотни всевозможных партий и объединений раздавали листовки. Каждая партия считала, что она главная в России. Больше всего в этом преуспевали анархисты и конституционные демократы, которые именовали себя кадетами. Социал революционеры и меньшевики вели себя приличнее, но и они на каждом углу кричали свои лозунги. Большевики несколько по притихли. В нормальные учреждения их не прини-

мали, и они заняли помещение Смольного института. Как-то забыла Россия про институт благородных девиц. Девочек большевики побоялись выгнать на улицу, и им было оставлено небольшое жизненное пространство, где они могли спать и учиться.

Гардемарины были вне политики. Старшему классу Федора вскоре предстояла поездка на Дальний Восток, где гардемарины должны были уйти в девятимесячное плавание, чтобы получить плавательный ценз, потом меньше года учебы, экзамены и офицерские погоны. С утра до вечера были занятия, свободного времени, практически не было. Лишь по воскресеньям Федор мог навещать Серафиму и своих родных. На фронте ни кто воевать не хотел, армия разваливалась, а если правильно сказать, армия полностью разложилась. Керенский делал судорожные попытки, хоть как-то возродить армию, но у него, ни чего не получалось. Последняя его попытка была, это создать женский батальон под командованием Марии Бочкаревой. Частично, его затея удалась. Батальон был создан и отправлен на фронт. Женский батальон сражался героически, неся значительные потери. Но это было все временно, как и сам Керенский со своим правительством. От него отвернулось практически все офицерство. Кто был за временное правительство, понять было невозможно, оно доживало свои последние часы. В один из сентябрьских дней начальника военно-морского училища вызвали к Керенскому. Керенский лично вручил ему приказ

арестовать предводителя большевиков Льва Троцкого и его заместителя Владимира Ульянова-Ленина. Вы шокированы? Да, да, именно так и был написан приказ. До седьмого ноября тысяча девятьсот семнадцатого года руководителем большевиков был Лев Троцкий. Остальное все, это мифы Сталина о Ленине. Гардемарины, пожалуй, это единственное воинское подразделение, которое еще было верно Временному правительству. Начальнику училища не очень хотелось втягивать курсантов в политику. Он приказал построить гардемаринов на плацу и выступил перед ними.

– Господа гардемарины, поступил приказ Временного правительства арестовать руководителей большевиков. Я не хочу вам приказывать. Если есть добровольцы, то сделайте шаг вперед.

Многие гардемарины уже насмотрелись на пьяных матросов с красными бантами на кителе. Весь класс Федора одновременно сделал шаг вперед.

– В оружейной комнате получите винтовки и боезапас, продолжал командир училища. Через полчаса построение. Пойдем в Смольный

Смольный ни кто не охранял, гардемарины с легкостью справились бы с этой задачей. Несколько гардов ушли в кубрик, среди них были и Федор с Георгием, они долго спорили друг с другом, но приняли решение. Петр Мамонтов кортиком заколет Троцкого по пути в Зимний дворец. Они еще не знали, что командир училища только что получил но-

вый приказ, отменяющий предыдущий. Керенский со своим окружением испугались ареста Троцкого и Ленина. В эти минуты они думали не о России, а о собственных шкурах. Вот так, в течение этого дня мальчишки – гардемарины могли решить судьбу России, но им не дали этого сделать. Из восьми гардемарин, которые совещались в классе, пятеро будут зверски замучены и расстреляны в застенках ЧК, а Петр Мамонтов будет повешен. Когда гардемарины повторно выстроились на плацу, командир училища, просто, приказал всем разойтись и сдать оружие, без объяснения причин, ему, попросту, было стыдно смотреть курсантам в глаза. После этого гардемарины посчитали себя свободными от присяги Временному правительству. Так Керенский лишился последнего мужского воинского подразделения. Теперь у Временного правительства оставался женский батальон второго набора. Около сотни не обученных военному делу женщин, переодетых в мужскую военную униформу. Занятия в училище практически прекратились и все ждали отъезда на Дальний Восток. Георгий жил у Федора в доме, и все свое время проводил с Дарьей. Теперь и он понял, как пахнет любовь, о чем ему говорил Федор. У Георгия горели глаза, но он не знал, что ему делать дальше. В этот день Федор надолго задержался у Серафимы и пришел за полночь, Георгий не ложился спать и ждал друга, ему нужен был совет. Федор тихонько открыл дверь в их комнату, думал, что друг его спит и как только зашел, Георгий тут же спросил его.

– Федор, что мне делать, я влюблен в Дарью. Я почувствовал запах любви, это прекраснейший аромат. У меня сердце из груди выскакивает. Я не знаю, что мне делать.

– Я тебя понимаю Зобс, сам влюблен. А вопрос твой решить легко. Обратись за этим к моей матушке. Завтра с утра прямо и начни. Только после завтрака, я тебя прошу, мало ли как матушка отреагирует на это. Хотя, если честно, она против этого не будет. Ты князь, какую же еще можно желать партию для Дарьи. Трудность одна, Дарья простая крестьянка. Мой отец не успел удочерить ее, не кому прошение теперь подавать. Николай отрекся от престола, а другого царя нет. Ложись спать. Утро вечера мудренее.

У Георгия утром кусок не лез в горло, он только чаю выпил и стал ждать окончания завтрака. Дарья, как чувствовала, что-то. Сама не своя ушла в свою комнату. Николай Федорович наскоро позавтракал и уехал на службу в госпиталь. Федор тихонько куда-то исчез. Вот тут и настало время Георгия.

– Елизавета Стефановна, я хочу поговорить с вами.

– Георгий, а вечером нельзя это сделать? У меня дел по дому много, а Дарья чего-то плохо себя чувствует.

– Я Вас надолго не задержу, а до вечера я не дотерплю.

– Что-то вы Георгий загадками говорить стали, хотя, я и догадываюсь, о чем вы хотите со мной побеседовать. Идемте ко мне в комнату.

Через несколько минут у них состоялся серьезный разго-

вор.

– Елизавета Стефановна, я люблю Дарью и прошу у вас ее руки. Скоро я уеду на Дальний Восток с вашим сыном, через год вернусь офицером. Я хочу, что бы Дарья стала моей женой, когда я приеду.

– Дарья не моя дочь и я не решаю эти вопросы. Но если вас интересует мое мнение, то я категорически против этого брака. Теперь не перебивайте меня и выслушайте мои доводы до конца. В этом году, моя воспитанница, должна была поступить в дворянский пансион, на это было подано прошение на Высочайшее имя, и был получен положительный ответ от ее Императорского Высочества Марии Федоровны. После окончания пансиона, Дарья получила бы нашу фамилию. Если бы Николай Федорович успел бы удочерить Дарью, жаль мы не сделали этого раньше, но кто знал, что Николай отречется от престола, наша семья далека от политики, я бы с радостью удовлетворила бы ваше предложение. Дарья приняла бы вашу фамилию и титул. Её приданное не хуже чем у графини. Когда Дарье исполнилось шестнадцать лет, мой муж отписал ей имение в Тамбовской губернии в шестьсот десятин со всеми строениями. Дарья об этом не знает, незачем баловать девчонку. Вы князь, а князю не престало жениться на дворовой девке, простите за резкость. Я столбовая дворянка и знаю наши законы. Вы еще не стали офицером, но уже стараетесь погубить свою карьеру. Ни один офицер дворянин не подаст вам руки, хотя вы и прекрасный

человек. Вас не примут в обществе, и вы покинете службу. Хотя времена и изменились. Возможно, вам и удастся вернуть расположение офицеров. Тут многое и от вас будет зависеть. Выслушав меня, вы согласитесь, что я права, но все равно будете просить руки Дарьи, я вижу, как у вас горят глаза. Вы влюблены. Дарья красивая и образованная девушка, и я вас прекрасно понимаю. Но это еще не все. Если бы ваш отец был в Петербурге, простите в Петрограде, ни как не могу привыкнуть к новому названию города, то я бы хотела лично услышать его мнение по этому браку, но он с вашей матерью в Париже, как я знаю. Мне нужно письменное подтверждение, что ваши родители не против этого брака. Невеста с хорошим приданным, но крестьянка. Но и это еще не все. Вы Дарье говорили о своем предложении?

– Что Вы, Елизавета Стефановна, без вашего позволения я бы не посмел этого сделать. Я глубоко уважаю вашу семью. Федор мне ближе, чем брат. А за Дарью вы не беспокойтесь, я ее на руках всю жизнь носить буду и в обиду не дам.

– В это верю, вижу, как у тебя глаза горят. Да и девка хороша, прелесть, да и только. Ни когда не могла подумать, что Дарья станет такой красавицей.

– И за родителей моих не беспокойтесь. Будет и письменное разрешение. Родители поймут меня и одобрят мой выбор, я в этом не сомневаюсь. Даю слово.

– И этому верю я. Теперь не мешало и у Дарьи спросить. Может она будет против.

Георгий сильно покраснел. Он, как-то и не подумал об этом. А вдруг Дарья откажет ему. Он маленького роста, нос крючком, да еще и с кривыми ногами, как кавалерист. Если бы Георгий мог, то он бы сбежал стремглав из комнаты, но жребий был брошен.

– Вот и славно Георгий, сейчас Дарью и спросим. Подожди меня немного, я за Дарьей схожу.

Георгий был сам не свой, когда в комнату зашли две женщины.

– Вот, Дарья, князь Георгий Иванович твоей руки просит. Я не знаю, что ему ответить. Тут от тебя и его родителей все зависит. Говоришь, да, через год свадьба будет, как раз тебе семнадцать исполнится.

– Мне можно задать вопрос вам Елизавета Стефановна?

– Конечно милая моя, ты же мне как дочь.

– А почему вы сказали, что все зависит от меня и от родителей Георгия?

– Тут все просто Дашуля. Тебе жить с мужем, а не мне. Тебе и выбирать. А родителей Георгия вспомнила не зря. Он князь, а ты крестьянка. Без их благословения я согласия не дам.

– Тогда, можно я подумаю, пока родители Георгия Ивановича будут давать ответ.

– Ты вправе поступать, как желаешь. И вот еще моя любимая Дарья, что я тебе скажу и скажу это при князе. Если ты хочешь выйти замуж за Георгия из-за его титула, то не де-

лай этого. С сегодняшнего дня ты помещица Дарья Никифоровна Афанасьева. Тебе принадлежит огромное поместье в Тамбовской губернии. Ты очень богатая невеста на выданье. Жаль, только, не успела получить нашу фамилию.

Да, далеко от политики была мать Федора, через три недели Дарья Никифоровна из помещицы, опять превратится в простую крестьянку Дарью Афанасьеву, а все поместья в России национализуют. Прямо как в сказке А. С. Пушкина, о золотой рыбке, но с более трагическим итогом, потому, что это происходило не в сказке, а в жизни.

Дарья обняла Елизавету Стефановну и продолжила.

– Я благодарна вам и вашей семье. Скорее моей семье. Вы мне родные. А про поместье, простите, но я все знала давно. Не хотела выдавать своих братьев Льва, Бориса и Федора. Они мне на шестнадцатилетние все это сообщили по большому секрету каждый в отдельности. Так, что простите их. И то, что я уже не простая крестьянка, я давно знаю и мужа я выберу себе, только по любви и с вашего благословения. Я благодарная дочь и поступлю, как вы скажете.

– Другого ответа я от тебя Даша и не ожидала. Хотела сделать тебе приятный сюрприз, жаль не получилось. Вот так полагайся на мужчин. А все говорят, что женщины болтливы.

– Не надо злиться на сыновей, они, просто любят меня. Я это прекрасно знаю.

– Это и я знаю, так воспитала их. Значит так князь. От ме-

ня и Николая Федоровича получите благословление после разрешения на ваш брак от ваших родителей и, естественно, после согласия самой Дарьи. Вы удовлетворены ответом?

Георгий понял, что Дарья лукавит и она согласна, теперь осталось за малым, получить ответ от родителей. Такое письмо он давно написал, но ответа все не было.

– Я полностью удовлетворен ответом, теперь не буду вам мешать.

Георгий удалился, а две женщины продолжили разговор.

– Даша, а ты уверена, что влюблена в Георгия. По глазам-то я видела, что ты согласна. Ты же совсем не видела жизнь. Ты нигде, практически не бывала. Может, встретишь другого мужчину и влюбишься. Трудна женская доля, поверь мне, я через многое прошла. Вон мой муж, взял и влюбился в балерину, как я страдала. Я люблю своего мужа и не хотела ему мешать. Он сам в семью вернулся. Я не жалею о жизни, я о тебе думаю. Может рано тебе замуж? Успеешь еще. Хотя Георгий прекрасный человек, Федор не будет дружить с плохим человеком, я это точно знаю.

– Да, я знаю о Георгии все. Федор дорожит его дружбой. Может вы и правы, я действительно не знаю жизни. Но мне хорошо, когда Георгий рядом. У меня целый год есть впереди, вот я и подумаю с вами хорошенько.

На том женщины и остановились. Каждая занялась своим делом.

Тем временем, Федор был занят Серафимой. Ох, молодость, молодость. Политика Федора совершенно не интересовала, он хотел скорее получить свои офицерские погоны, жениться на Серафиме и служить Родине. Семья, дети, служба, ни о каком другом счастье он и не мечтал. Но все ближе и ближе приближался роковой день октября, но гардемарины ждали не революцию, а день отъезда на Дальний восток, всем очень хотелось быстрее уйти в море. Любовь, любовью, а море зовет. Как обычно, все наступает внезапно, или кажется, что все наступает внезапно. Никто из гардемарин и не знал, какого труда все это стоило, что бы в столь трудное время их могли отправить на Дальний Восток. И дело тут не в деньгах, каждый из гардемарин мог сам оплатить свой проезд до Владивостока. Попросту, до них и их судеб руки не доходили, столько забот было в Империи. Война с Германией, отречение царя от престола, бездействие временного правительства, а главное разброд в обществе, до полного развала государства. Нашлись люди в Российской Империи, которые думали на много лет вперед о судьбе России и гардемарины старших классов были отправлены на Дальний Восток. Приказ был подписан двадцать пятого, утром. Всем гардемаринам старших классов убыть во Владивосток двадцать шестого октября тысяча девятьсот семнадцатого года в девятнадцать десять, с перрона Николаевской железной дороги. Времени на сборы дали всего сутки. Молодым людям собираться долго не надо, а вот провожающим нужно больше време-

ни. Отец Федора, практически не ночевал дома, потоки раненых прекратились, ибо армия перестала воевать, а вот зашивленных больных поток не уменьшался, а наоборот многократно увеличился. Тиф наступал, и нужно было предупредить эпидемию.

Федор и Георгий собирались не долго. Два небольших чемодана на двоих, вот и вся их ручная кладь. Обычно, старший класс гардемарин накануне отхода в длительный поход идет в портовый бордель, это ритуал, выработанный с петровских времен, многие гардемаринны там впервые узнают женщин и теряют свою невинность. Так было и на этот раз. Шикарные и не очень шикарные бордели Питера широко открыли свои двери для гардемарин, но не для Федора и Георгия. Георгий, поначалу, так же хотел пуститься по волнам любви, но остался с Дарьей. Ни с кем прощаться ему не было нужды, ибо кроме семьи Федора, других близких людей у него в Питере не было, а родители, как он думал, были в Париже. Ох, не знал Георгий, что родители его были, на самом деле в его княжестве – деревеньки. Ежемесячно от них он получал свое жалованье и очень редко, письма, скорее записку с родительским благословением. Накануне, Георгий отправил им письмо в Париж, в котором просил благословление на женитьбу с Дарьей. Он все правдиво написал отцу и ни сколько не сомневался, что его отец даст согласие. Не знал Георгий, что письма его отец не получит, и вообще, не знал Георгий, что своих родителей, он так и не увидит больше

в своей жизни. Георгий играл с Дарьей в морской бой, а Федор отправился к отцу, он не знал, будет ли тот ночевать сегодня дома, а после встречи с отцом, решил посетить Серафиму. Отец Федора был сильно занят, и ему пришлось долго ждать. Но вот, с делами было покончено, и уставший Николай Федорович появился в своем кабинете.

– Зачем пришел сынок. Не нужно тебе сюда ходить. Тут вши и тиф. Чего доброго, наберешься этой гадости. Хотя, понимаю, зря ты меня не побеспокоишь. Говори. У меня есть полчаса времени. Сейчас попьем чаю

В кабинет зашла санитарка, принесла чай с бутербродами и тихо удалилась.

– Я вот зачем пришел отец, не знал, будешь ли сегодня ночевать дома. Я завтра уезжаю во Владивосток. Проститься пришел и родительское благословение на ратный путь получить. Так, что я тебя долго не задержу. Но взгляните вы отец, очень уставшим. Вам бы отдохнуть и поспать. Который день на ногах.

– С этим мы разберемся и отдохнуть успеем, а вот, то, что ты пришел попрощаться, так это ты правильно сделал. Что ж, увидимся не скоро, хотя девять месяцев быстро пролетят, и ты вернешься домой.

Никто из них еще не знал, что это последняя встреча отца и сына. Больше они ни когда не встретятся. Такая у них судьба. Но мы предполагаем, а вот Бог располагает. Николай Федорович продолжал.

– Смута в стране большая, но Россия сильная и она переживет все это. Запомни Федор. Ты столбовой дворянин российский. Ты выбрал ратную стезю. За наградами не гонись, но получай их с большим достоинством. Звания придут сами, ты главное служи Отечеству верой и правдой. Я знаю, ты не подведешь меня, да, что там меня, фамилию нашу не опозоришь. Это так, просто, отеческое напутствие. Главную привилегию российского дворянина ты знаешь, мне учить тебя не надо. Вера, Царь и Отечество, вот наши исконно русские три столпа. Ну, а что касаясь бытовых нужд, то я буду присылать тебе деньги, содержание твое я увеличу вдвое. Ты уже взрослый. Теперь говори, просьбы или пожелания есть?

– Да, нет, практически. Только ода просьба. Ты знаешь, я люблю Серафиму. У меня от вас секретов ни когда не было. Я хочу жениться на ней, когда стану офицером. Если, что с ней или ее родными, не оставьте их в беде, что бы не случилось

– Ну, этого Федор ты мне мог и не говорить. Мы своих в беде не оставляем. Русские мы люди.

– А так все, больше пожеланий нет отец. Целуй за меня Бориса, когда тот появиться из Кронштадта и Льва, когда он приедет из имения. Что-то он там, надолго задержался.

Отец и сын обнялись. Николай Федорович трижды поцеловал Федора, по православному обычаю и трижды перекрестил его. Они расстались навсегда.

Уже смеркалось. Федор поманил извозчика, сел в пролетку и поехал к Серафиме. Представлял серьезный разговор. Федор решил сделать ей предложение. По дороге купил небольшой букет цветов и зашел в ювелирный магазин, что бы купить колечко Серафиме. Размер безымянного пальца любимой он знал. Недавно, когда Серафима не видела, он примерял её кольцо. Как раз на пол фаланги мизинца оно ему налезло. Позвонил в звонок. Долго ждать не пришлось. Дверь открыла служанка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.